

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

СМЕРТЬ И ДЕВА

ЭХО НЕЗНАКОМЦЕВ

Золотой век английского детектива

Глэдис Митчелл

**Смерть и дева. Эхо
незнакомцев (сборник)**

«Издательство АСТ»

1947, 1952

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Митчелл Г.

Смерть и дева. Эхо незнакомцев (сборник) / Г. Митчелл —
«Издательство АСТ», 1947, 1952 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-104658-3

Попытка своими глазами посмотреть на наяду – речную нимфу, – которую, по слухам, видели в окрестностях Уинчестера, обернулась для мисс Кармоди, ее молоденькой племянницы Конни и родственников – семейной пары Тидсон – свидетельством жестокого убийства мальчика, чье тело выловили из ручья. Мистер Тидсон уверяет всех, что мальчишку наверняка утопила наяда, однако мисс Кармоди начинает подозревать в этом преступлении самого Тидсона. Какие основания у нее могут быть для этого? А через некоторое время находят тело еще одного подростка... Полиция теряется в догадках, но на помощь им придет миссис Брэдли. В любимой лодке прекрасного, как греческий бог, но, к сожалению, глухонемого юноши Фрэнсиса Кокса находят привязанный ко дну труп человека, промышлявшего шантажом. А вскоре происходит и еще одно загадочное убийство, но уже в поместье, в котором сэр Адриан – дед Фрэнсиса и страстный спортсмен, собрал игроков для участия в крикетном матче. Связаны ли эти преступления между собой? И имеют ли какое-то отношение к ним Фрэнсис, его брат-близнец Дерек и сам сэр Адриан? Миссис Брэдли предстоит во всем разобраться.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104658-3

© Митчелл Г., 1947, 1952

© Издательство АСТ, 1947, 1952

Содержание

Смерть и дева	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	54
Глава 9	61
Глава 10	67
Глава 11	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глэдис Митчелл
Смерть и дева
Эхо незнакомцев

© Gladys Mitchell, 1947, 1952

© Перевод. У. Сапцина, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Смерть и дева

Посвящается Уинифрид Блейзи

Но как бы то ни было (любезный читатель), прошу тебя отнестись к этому благосклонно, принимая во внимание, что я приложил все усилия ради тебя, дабы ты прочел это с удовольствием.
Уильям Адлингтон. К читателю «Золотого осла» Люция Апулея

И реке Итчен

*Когда болезни нападут,
Когда обиды горькие,
Когда одолевает лень
Иль труд твой тяжек, что ни день,
Когда насмешка уязвит,
Дождь, засуха, мороз стоит —
Что б в сердце ни было твоём,
Приди ко мне весь, целиком.*

*Аноним (начало XVII века). Альманах сэра Томаса
Овербери из последних изданий*

Глава 1

Почти до половины девятого ничего не происходило, а потом с неба закапала прозрачная водичка, появились длинные синекрылые оливковые поденки, и застенчиво всплыла одна или две рыбы. Поднявшись вверх, я увидел за поворотом, сквозь высокую траву, такую суматоху, какую должна была бы поднять крыса или водяная курочка: но нет, это были не они...

Дж. У. Хиллс. Лето на реке Тест

– Это необходимо расследовать! – заявил мистер Тидсон. – Расследовать, моя дорогая Присси.

– Очень хорошо, Эдрис. Расследуй, конечно, если это не слишком затратно. – Мисс Кармоди улыбнулась энергичному маленькому человечку.

Среди многочисленных индивидов, которых приносило в ее жизнь безответственным прибоем кровного родства, мистер Тидсон был недавним и интересным образцом вынесенных на берег обломков. Он приходился немолодой мисс Кармоди троюродным братом. Сразу после женитьбы он переехал на Тенерифе, и до последнего времени превратности войны не давали ему свернуть свой бизнес по выращиванию бананов. Но наконец они с женой переехали в Англию, и выяснилось, что жить они намереваются у мисс Кармоди. Хотя она призналась Конни Кармоди, своей племяннице и подопечной, что надеется на пересмотр этого соглашения.

Тут Конни полностью сходилась с ней во мнении. Девушка с растущей ревностью и тревогой наблюдала, как постепенно обустроивались дядя Эдрис и его жена и нарушали спокой-

ную жизнь, которую вели они с теткой. Конни уже привыкла считать мистера Тидсона незнакомым гостем и занудой.

– Что же именно требует расследования? – поинтересовалась мисс Кармоди.

Она и ее подопечная сидели в нише окна гостиной восемнадцатого века на юго-западе Лондона. Гостиная была обставлена неброской, удобной, хотя и недорогой мебелью. Четырехкомнатная квартира великолепно подходила мисс Кармоди и ее племяннице, но оказалась тесной для четверых, так что со времени вторжения – как грубо, но простительно выражалась Конни, – хозяйки вынуждены были делить спальню, что, естественно, было им не по душе.

Мистер Тидсон, занимавший большую часть дивана-канapé, выпрямился и с преувеличенной доброжелательностью взглянул на Конни, прежде чем ответить на вопрос мисс Кармоди.

– В газете написали о некоем исключительном явлении на реке Итчен. Судя по сообщению, один человек утверждает, что он якобы видел наяду или водяную нимфу под одним из мостов близ Уинчестера. Очень интересно, если, конечно, правда. Мне бы хотелось поехать и осмотреться на месте.

Он пустился в описание какого-то своего необыкновенного приключения, связанного с фольклором Канарских островов, и заявил, что сделался с тех пор увлеченным исследователем примитивных культур и примеров их проявления. Конни слушала его с раздражением, а мисс Кармоди – со смесью благожелательности и очевидного недоверия, к которым примешивалось легкое неодобрение – некоторые воспоминания мистера Тидсона вряд ли можно было считать подходящими для ушей племянницы.

К тому моменту, когда мистер Тидсон закончил свое повествование, Конни уже не удивляло, что он так возбудился из-за опубликованной в разгар мертвого сезона заметки о водяной фее в гемпширском меловом ручье, в котором обычно не водилось ничего страшнее шуки, крапиво хариуса и умнее пресноводной форели. Не удивили ее и похождения мистера Тидсона. Она и так знала, что он был довольно распутным.

– Позвольте мне взглянуть на заметку, – попросила мисс Кармоди, поскольку с трудом могла поверить, что газета, при всем недостатке новостей, уделит место сообщению о сверхъестественном явлении. Конечно, с тех пор как закончилась война, а лохнесское чудовище еще не появлялось в мирное время, даже единственный листок, составлявший ежедневную газету, нужно было как-то заполнять. Но ей казалось совершенно нелепым, что место отдадут наяде.

Конни, по-видимому, разделяла ее мнение.

– Вы, должно быть, не так прочли, а иначе это какая-то чушь!

Мисс Кармоди взяла поданную мистером Тидсоном газету и, никак не комментируя, прочла отмеченную колонку. Она обратила внимание, что это даже не газетная заметка, но всего лишь письмо в редакцию, и, несомненно, от одного из людей, страдающих весенним обострением. Конни высказалась в том же духе. Мистер Тидсон замечание проигнорировал, тогда она улыбнулась и попросила посмотреть газету.

– Крит поедет со мной, если вы поедете. – Мистер Тидсон выжидательно смотрел на мисс Кармоди.

Мисс Кармоди почти тридцать пять лет не видела своего троюродного брата и все еще испытывала интерес к этому серьезному и настойчивому мужчине. Не без симпатии она начала осознавать, что он уже не молод и что его юная жена, гречанка по происхождению и необыкновенная красавица, не была лучшей компанией в часы его досуга.

– Очень хорошо, Эдрис, – кивнула мисс Кармоди. – До начала сентября у меня нет никаких забот, за исключением моего Общества старших дочерей работающих мужчин, и я буду рада набраться сил. Давайте поедем и проведем расследование. Такой летний отдых не хуже всякого другого. Расскажите мне о своих планах, пока я поставлю в вазу эти цветы, а потом вы

объясните Элси, как готовить мадрасское карри вместо цейлонского, которое не понравилось вам вчера.

– Летний отдых в поисках наяды? – переспросил мистер Тидсон. – Очаровательно, моя дорогая Присси! Просто восхитительно! И когда мы отправляемся в Уинчестер? Я хочу сказать, как скоро? У вас получится в понедельник? Я не хочу, чтобы след остыл, а кроме того, хочу услышать, как хор собора исполняет Грея в ля мажоре. Как думаете, возможно, что они его споют?

– В понедельник? Великолепно. Тугуд израсходует остатки бензина, чтобы отвезти завтра на море двух матушек из общества, но к понедельнику он получит следующую квоту¹, – ответила мисс Кармоди, игнорируя Грея в ля мажоре, тональности, не особенно любимой ею, она предпочитала церковную музыку в ми-бемоль мажоре. – Стало быть, в понедельник. Замечательно.

– Хорошо. Или же мы могли бы поехать поездом сегодня днем. Что скажете?

Понимая, что ему не терпится оказаться на месте событий и из первых рук заполучить сведения о наяде, мисс Кармоди согласилась не терять времени, однако данное решение было отклонено. В значительной мере к ее облегчению, ибо затруднительно было организовать отъезд из дома всего за четыре часа, и она знала, что Конни, которая обычно занималась упаковкой вещей, это не понравится, – как не нравился ей сам мистер Тидсон. Крит зашла как раз к концу обсуждения и, услышав последние реплики заинтересованных сторон, наложила вето на решение отправиться без приготовлений.

– Нам нужно будет найти место, где остановиться в Уинчестере, – заявила она, – а мне нужно сделать прическу, а тебе – найти достаточно купонов, из моей книжки, я полагаю, для приобретения по меньшей мере двух сорочек, прежде чем ты куда-либо поедешь. Будь благодарен, Эдрис. Ты очень глупый старик.

Она с презрением отвернулась от него и посмотрела на себя в зеркало.

Крит Тидсон была на двадцать лет моложе своего мужа. Стройная женщина с зелено-вато-золотистыми волосами, большими темными глазами, какие можно встретить на портретах начала семнадцатого века, насмешливыми губами, гордо посаженной головой гречанки и округлым, волевым подбородком.

С мужем она держалась сурово, но приветствовала свободу выражений его вкусов. Она имела обоснованное, пусть и критическое отношение к его способности добиваться своего и редко выпускала супруга из виду, так как мистер Тидсон обладал слабостью (подмеченной апостолом Павлом в афинянах) постоянно желать чего-то нового, и в стремлении к этой новизне он склонен был попадать в неприятные переделки.

– В любом случае, – решил мистер Тидсон, – я могу и отправлюсь за местной газетой, где найду более полный отчет по сравнению с тем, который я только что показал Конни. – Он благожелательно улыбнулся своей племяннице, которая нахмурилась в ответ. – Кроме того, я схожу в библиотеку почитать об Уинчестере, реке Итчен, наядах, рыболовстве и фольклоре Гемпшира. Я так люблю все новое, а это будет восхитительно ново. Ведь я могу уже сегодня днем провести предварительные изыскания, прежде чем мы покинем Лондон.

Обрадовавшись, что для мистера Тидсона нашлось невинное занятие по убийству времени, его жена и мисс Кармоди немедленно выразили свое согласие, а Конни всем своим видом демонстрировала безразличие и неоправданное пренебрежение, – учитывая, что мистер Тидсон рассказал ей о наяде по ее же собственной просьбе.

---

¹ В годы войны и некоторое время после в Великобритании было введено рacionamento не только на продукты, но и на бензин, одежду, обувь и др. Гражданам выдавали книжечки с карточками (купонами). – *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

– Я телеграфирую насчет гостиницы, – сказала мисс Кармоди. – Мы поселимся в «Домусе». Мы с Конни всегда там останавливаемся. Во всех отношениях великолепный отель, хотя, конечно, не дешевый.

– Но чего ради все это затевается? – спросила Крит, отсутствовавшая, когда мистер Тидсон объявлял о великом открытии. – Что нам делать в Уинчестере? По-моему, никчемная затея.

– В Гемпшире появилась наяда, моя дорогая Крит, – объяснил мистер Тидсон.

– Чепуха, дядя Эдрис. – Конни впала в раздражение при одной только мысли, что деньги ее тети будут выброшены на этих Тидсонов. – В Гемпшире наяд нет. Никогда не было и не будет. Гемпшир был частью Уэссекса. Вам это известно не хуже меня!

– Король Альфред, не говоря уже о его благочестивом отце Этельвульфе, не допустил бы наяд в страну, которой и без того угрожали викинги, – согласилась мисс Кармоди.

– Рыжие. Жуткие люди, – подтвердила Крит, познакомившаяся на Тенерифе с двумя датчанками и обнаружившая, что они не уступают ей в красоте. – Не люблю викингов.

– Однако в Гемпшире были римские поселения, – мирно продолжала мисс Кармоди. – Может быть, римляне с их склонностью присваивать чужое запустили украденную греческую наяду в воды Вента Белгарум?²

– Возможно, – признала Крит, теряя интерес к теме. – Во всяком случае, Эдрис, похоже, полон решимости отдохнуть, и он вполне может гоняться за наядой, или за бабочками и синицами... или за дочерью сеньора дона Альвареса Педилла-и-Лампада, как это случилось в последний раз, – мрачно добавила она. – У него аморальный зуд.

– Когда же мы едем? – требовательно спросила Конни, не любившая Крит почти так же сильно, как не любила мистера Тидсона, и ревновавшая к ее красоте и обаянию.

– В понедельник, если удастся забронировать гостиницу. Однако в это время года у них, скорей всего, не будет свободных мест, – ответила тетка. – Я ездила раньше и знаю.

Ее опасения оказались необоснованными. К вечеру вопрос с размещением всей компании был улажен, и мистер Тидсон, с головой погружившийся в хроники Уинчестерского колледжа, уже настроился на приятную двухнедельную ловлю нимфы – в классическом, а не рыболовном смысле³, а остальные – на мирный и интересный отдых. Конни изучала карту Великобритании, мисс Кармоди освежала свои воспоминания об Уинчестерском соборе, отеле «Домус» и прогулках по городу, тогда как Крит готовилась к личной «вакханалии» вышивания, поскольку при климате, который не любила и которому не доверяла, она предпочитала сидеть в помещении, а в этом случае ей нужно было чем-то заниматься.

Несколько дней промелькнули быстро. Отъезд в Уинчестер назначили на понедельник, а утром в субботу мистер Тидсон занес в свою записную книжку один пассаж, который чрезвычайно ему понравился. Он объяснил, что это отрывок из дневника времен Гражданской войны⁴. В тот же вечер его прочли Крит и мисс Кармоди.

По настоянию моего тестя его затем отправили в школу в Уинчестер, где он и проучился 6 лет и где его выпорол по той причине, что он со всяческим бесстыдством и нескромностью говорил о нагой мокрой девушке в лугах, где она спала, а он даже в столь нежном возрасте не устыдился об этом рассказать.

---

² Древнеримское название Уинчестера. – *Примеч. перев.*

³ Нимфа – приманка для рыбной ловли, имитирующая личиночную стадию развития насекомых.

⁴ Так называемая Английская революция XVII века – социально-политический переворот 1640–1660-х годов в Англии, сопровождавшийся гражданскими войнами, казнью короля, провозглашением республики и закончившийся установлением режима парламентской монархии. – *Примеч. перев.*

– Видите? – торжествующе заявил мистер Тидсон. – О ней знали даже в семнадцатом веке. Что вы теперь скажете о моей наяде?

– Поразительно! – воскликнула мисс Кармоди. – Могу я еще раз взглянуть? – Взяв из рук Крит записную книжку, она снова прочла отрывок. – Стиль мне что-то напоминает, но я не могу вспомнить, что именно.

– Думай, моя дорогая Присси, думай! Мы должны учиться контролировать нашу вербальную память, – воодушевился мистер Тидсон.

Конни забрала книжку из рук тетки, презрительно пролистала. Мистер Тидсон посмотрел на мисс Кармоди и улыбнулся.

– Женщины имеют не очень точное представление об истории, как мне думается, – заметил он в пылу разговора и без желания обидеть. – Кроме тебя, разумеется, моя дорогая Присси.

– Не знаю насчет точности, – сказала Конни, бросая ему книгу так, что острый край ткнул мистера Тидсона в его округлый живот, – но я знаю, что на книжной полке тетиного бюро есть книга мемуаров семнадцатого века, в которой вы сможете найти множество примеров такого стиля.

– Неужели? – проговорил мистер Тидсон. – А ты имеешь обыкновение совать свой нос в бюро тети?

– Эдрис! – возмутилась Крит. – Ты не должен разговаривать с Конни подобным образом. Возможно, она не знает, что совать нос нехорошо. Что вообще значит выражение – «совать нос»? Думаю, это обидные слова. Как еще вы говорите – «рыскать»?

Конни сделалась пунцовой и встала. Вид у нее был настолько угрожающий, что мистер Тидсон немного подтянул колени вверх, как бы защищая свой живот от нового нападения. Мисс Кармоди, похоже, тоже за него испугалась – она взяла Конни за руку и сказала, что терпеть не может слово «рыскать», и прибавила с непривычной резкостью, что Конни много лет открыт доступ к бюро, с тех самых пор, как стала достаточно взрослой, чтобы ей можно было доверить любимые книги, и что в связи с этим никогда не возникал вопрос о любопытстве, подглядывании или шпионаже.

Мистер Тидсон мило улыбнулся и заметил, что Конни не следует быть такой чувствительной и что она не хуже него знает, что он шутит. Также он поддержал заявление мисс Кармоди о том, что «рыскать» – вульгарный синоним.

– Не нравятся мне его манеры, – заметила Конни, когда супруги ушли. – Половину времени он говорит гадкие, злые вещи, а другую половину пытается меня лапать. Я считаю его отвратительным старикашкой.

– Ну он не так уж стар, – возразила мисс Кармоди.

– Достаточно стар, чтобы хватило ума не гоняться за нимфами в речках, – твердо заявила Конни, – хотя, полагаю, это ничуть не уступает другим его занятиям.

В последующие дни мисс Кармоди призналась себе, что обеспокоена энтузиазмом мистера Тидсона в отношении наяды. Он пребывал то в приподнятом настроении от возможности пополнить свой фольклорный репертуар, то ходил как в воду опущенный, потому что наяда могла покинуть Гемпшир до того, как у него появится случай ее увидеть. Мысли о том, что письмо в газету могло быть шуткой либо бредом безумца, он, как видно, не допускал.

– Не могу его понять, – сказала Конни. – Как мне кажется, его деловая жизнь была сочетанием выпрашивания денег, мошенничества и махинаций, и не удивлюсь, если он запугивал своих работников и был непопулярен среди производителей бананов. Есть что-то пугающее, – продолжала она, – в том факте, что он так внезапно ухватился за эту смехотворную газетную заметку как за предлог для поездки в Уинчестер. Почему в Уинчестер? – Она пристально посмотрела на тетку.

Мисс Кармоди ничего не ответила, но, как выяснилось, до такой степени разволновалась, что на следующее утро, пока незваные гости еще не встали с постели, сняла телефонную

трубку и позвонила психиатру, серьезной и талантливой старой даме по фамилии Брэдли. Она изложила ей факты и добавила, что, как ей кажется, не повредит узнать мнение специалиста касательно ментального здоровья мистера Тидсона, прежде чем он отправится в Уинчестер на поиски своей наяды.

– Понимаете, я не хочу, чтобы он заподозрил, что мы думаем, будто с ним что-то странное, – с тревогой объясняла она, – поскольку ничего такого, вероятно, и нет. Его интерес может быть совершенно искренним и таковым, вероятно, и является. Просто я подумала, что если бы вы смогли найти время... Послушайте-ка! Я не должна помешать его планам. Могли бы вы приехать в Уинчестер? Я... Мы с вами встречались... общая подруга, мисс Кэрролл, Картарет-колледж...

– Я прекрасно понимаю, – сказала миссис Брэдли, – и я необычайно заинтригована. Я приеду в Уинчестер и появлюсь в «Домусе» в понедельник к ланчу. Ваша наяда может быть очень многообещающей.

– Это именно то, чего я боюсь...

Однако, весьма ободренная успокаивающим согласием миссис Брэдли, мисс Кармоди выразила свою благодарность и повесила трубку. Затем послала Конни в банк за выпиской по счету и, когда документ прибыл, нахмурившись, принялась его изучать. Мистер и миссис Тидсон обходились ей довольно дорого. Они уже провели в ее доме шесть недель, а «Домус», как она сама и говорила, был недешевым отелем. Тем не менее именно там она всегда останавливалась, в особенности во время авианалетов на Лондон, и всегда говорила, что даже мысли не допускает о том, чтобы поселиться в каком-то другом месте. Об этом ей с раздражением напомнила Конни, когда мисс Кармоди застенчиво предложила снять ради экономии меблированные комнаты. Конни терпеть не могла меблированные комнаты и прямо об этом заявила.

– Да и вообще, нашим финансам это сильно не поможет, – сварливо добавила она.

Мисс Кармоди вздохнула, но напомнила себе, что Конни привыкла ко всему лучшему, что она могла ей предложить, а «Домус», кроме того, действительно был самым комфортабельным и милым отелем и даже располагался, по сути, за городом.

Мистер Тидсон наслаждался путешествием в Уинчестер. Когда они проехали Бейсингстоук по шоссе А30, чтобы затем свернуть на шоссе А33, идущее через скучную цепочку деревушек мимо Майклдевера и Кингзуорти и выходящее к улице на северной стороне Уинчестера, где и располагался отель «Домус», он упомянул о своем племяннике, который, как полагал Тидсон, учится в школе в Уинчестере, но сейчас должен быть на каникулах.

– Кто это из племянников, дядя Эдрис? – осведомилась Конни, которую мисс Кармоди попросила вести себя с мистером Тидсоном вежливо, хотя не одобрять и не поощрять его странности.

– Ну как же, сын дочки Полли, – ответил мистер Тидсон, ничуть не прояснив дело. – Да как же их фамилия?

– Прис-Гарвард, – процедила сквозь зубы Конни. – Я должна была догадаться!

– Да, их фамилия Прис-Гарвард, – подтвердила мисс Кармоди, – и никакого отношения к Полли они не имеют, как вы прекрасно знаете. Они живут не так далеко от Уинчестера. Надо бы навестить их, пока мы здесь.

– Меня ехать не просите! – предупредила Конни.

– Я должен найти адрес, – сказал мистер Тидсон.

– Но у тебя вряд ли найдется время поведать мальчика, – не без злости заметила Крит. – Ты же будешь занят поисками своей нимфы.

Мистер Тидсон погрузился в молчание и посмотрел в окно автомобиля на лес в полумиле от дороги.

– Сейчас мы должны проезжать ферму Брэдли, – сказала Конни, глядя в карту, развернутую у нее на коленях. Девушка сидела между теткой и Крит Тидсон на заднем сиденье. Мистер Тидсон восседал впереди, рядом с Тугудом.

– Брэдли? Кстати, – проговорила мисс Кармоди, – моя подруга миссис Брэдли тоже собирается пожить с нами в «Домусе». Мисс Кэрролл заняла ее место в Картарет-колледже, Конни, ты помнишь? Когда та оставила директорский пост в Ательстан-Холле.

– Да, помню, – кивнула Конни. – Та страшная черная старая леди, которая всегда носила платья жутких расцветок и вязала что-то неопишное. Мы слушали ее лекцию. Однако я никогда не подумала бы, что вы можете назвать ее своей подругой. Мы едва и мисс Кэрролл-то знали, хотя вы и беседовали с миссис Брэдли...

– Черная? – повернул голову мистер Тидсон.

– У нее черные волосы и черные глаза, – резко ответила мисс Кармоди. – Больше ничего черного в ней, разумеется, нет. Конни временами прибегает к умышленным и вводящим в заблуждение преувеличениям.

– Преувеличение всегда вводит в заблуждение, – изрекла Крит.

Мистер Тидсон, который так не считал, вернулся к созерцанию ландшафта, а машина плавно пронеслась мимо леса Додсли и нескольких курганов, затем по пути, который некогда был римской дорогой, и далее – мимо Эбботс-Бартон к Уинчестеру.

– И хотя вы разговаривали с миссис Брэдли после ее лекции о наследственной предрасположенности, – продолжала Конни, которая не любила, когда ее прерывали на середине предложения, – я не понимаю, как это могло сделать ее вашей подругой, тетя Присси, и я не хочу больше с ней встречаться! Она мне не понравилась.

– Убери плед, дорогая, – попросила тетка вместо ответа. – В отеле он тебе не понадобится. Что ж, вот мы и приехали, Крит, – добавила она, обращаясь к чуть более сносному из двух гостей-паразитов. – Интересно, понравится ли вам здесь теперь, когда мы наконец прибыли?

– О, мне понравится, – сказала Крит. – Эдрис займется своей нимфой, у вас будет ваша подруга черная женщина, Конни будет гулять и рано, очень рано ложиться спать, а я стану наслаждаться одиночеством. Но как это может быть нашим отелем? Мы же еще не в Уинчестере.

Глава 2

...которая предназначена для того, чтобы рассказать домохозяйкам, кои не достигли вершин благополучия, как при разумных затратах угощать или развлекать компанию в самой элегантной Манере.

Миссис Сара Харрисон из Девоншира. Карманная книга домохозяйки и полная книга по домоводству, 1760 год

Отель «Домус» стоял в стороне от главной дороги и оживленного движения транспорта. Подъехать к нему можно было по улице, идущей на юго-запад от широкой магистрали, переходившей в шоссе А33, прежде чем превратиться в главную дорогу на Саутгемптон, вынырнув из лабиринта второстепенных извилистых улочек за больницей Сент-Кросс.

«Домус» побывал мужским монастырем, елизаветинским поместьем, в котором сохранившие католическую веру хозяева прятали священников-иезуитов, подвергавшихся преследованиям во времена Тюдоров, городским особняком восемнадцатого века, женским монастырем века девятнадцатого и, наконец, стал отелем, сохранив следы всех своих перипетий.

Автомобиль миновал длинный сад, стены которого все еще несли на себе стигматы в виде маленького креста и даты – 1872, оставшиеся от женского монастыря, и остановился перед застекленным входом-вестибюлем, где виднелись плетеное кресло, металлический скребок для чистки обуви, два растения в горшках, придверный коврик, модель Уинчестерского собора и гостиничная кошка.

Дальние двери вели в холл отеля, а за дверью справа располагалась стойка портье. Высокий и бледный как мертвец швейцар, шотландец, судя по внешности, ткнул большим пальцем в сторону стойки и подхватил самый маленький из чемоданов, которые разгружал на кафельный пол Тугуд. Мисс Кармоди, сопровождаемая мистером Тидсоном, прошла к стойке, а швейцар поставил маленький чемодан обратно на пол, оглянулся вокруг, словно испытывая глубокое подозрение насчет данной компании, и скорбно спросил у Конни:

– Вы, без сомнения, остановитесь надолго?

– Не так уж и надолго, – ответила Конни, неуверенно глянув на Крит.

– На две недели, – сказала та.

– А... – протянул швейцар, словно это подтверждало его худшие опасения.

Голос из-за стойки произнес:

– Двадцать девятый, тридцать третий и седьмой, Томас.

– Двадцать девятый, тридцать третий и седьмой, – повторил швейцар с шотландским акцентом. – Следуйте за мной. Пятнадцатый, тридцать третий и седьмой – вот что мне было сказано сегодня утром, но вы устройтесь, не сомневаюсь!

Двадцать девятый номер, милую маленькую комнату в самой старой части дома, мисс Кармоди выбрала для Конни. Тридцать третий, с двуспальной кроватью и двойным гардеробом, отвели чете Тидсонов. Эти номера была на одном этаже. Номер седьмой располагался на первом этаже в пристройке – попасть в него можно было через застекленную террасу, ведущую в очень современное и приятное здание-бунгало. Седьмой номер мисс Кармоди взяла для себя и, убедившись, что это именно то, что она просила – ибо сия почтенная леди немного боялась пожаров и не любила спать в незнакомых домах выше первого этажа, – осталась крайне довольна. Крит же была недовольна и потребовала отдельный номер.

Все четверо встретились в коктейль-холле, и суровый Томас подал великолепный херес всем, за исключением Конни, которая предпочитала джин с вермутом. Очень скоро мисс Кармоди поставила свой бокал и решила выяснить, ждуть ли к ланчу ее подругу миссис Брэдли. Она попросила Конни сходить и узнать.

– Да откуда им знать, – сказала Конни, – и даже если они и знают, я не осмелюсь спросить. Это место всегда нагоняло на меня страх, а этот Томас так на меня действует, что мне кажется, будто у меня лицо перемазано вареньем. Я бы назвала его жутким человеком.

– О, чепуха, – отмахнулась мисс Кармоди. – Я позову его и спрошу.

К восторгу своей племянницы, она вызвала Томаса звонком. Тот лишь усугубил первое впечатление о себе, поставив перед ними напитки с таким видом, словно доподлинно знал, что с каждым новым глотком гости губят свои бессмертные души. Однако Томас учтиво слушал, наклонив голову, и, как ругательство, пробормотал: «Очень хорошо» в ответ на просьбу мисс Кармоди узнать, ожидают ли миссис Брэдли к ланчу. Затем вернулся с сообщением, что гостью ожидают.

– И очень умная особа, – добавил он, величественно глядя поверх головы мистера Тидсона на красные герани в саду. – Очень умная особа. Именно так.

Это прозвучало как эпитафия, и все четверо невольно со всей серьезностью склонили головы. Церемонию прервало появление маленькой черноволосой и черноглазой женщины в очень ворсистом твидовом костюме сиреневого цвета и зеленой фетровой шляпе. Было в этой даме что-то от ведьмы, и свое появление она предварила резким хихиканьем, которое странно прозвучало из ее маленького, похожего на клюв, рта.

– Миссис Брэдли! – воскликнула мисс Кармоди, вставая.

Томас почтительно посторонился, пропуская вновь прибывшую, и по собственной инициативе вышел и вскоре вернулся с еще одним бокалом хереса.

– Ваш амонтильядо, мадам, – провозгласил он.

Поскольку до сих пор ни одна из других дам этого маленького общества подобного обращения не удостоивалась, получилось особенно впечатляюще. Когда Томас удалился, что он проделал, не обращая внимания на крик: «Официант!» со стороны молодого офицера в форме Королевских военно-воздушных сил, Крит Тидсон, которую, наряду с ее мужем и Конни, представили ведьме, поинтересовалась, часто ли миссис Брэдли останавливалась в «Домусе».

– Один раз, перед войной, – ответила миссис Брэдли. – Вы знакомы с парком Нью-Форест и его окрестностями?

Беседу прервал гонг, призывающий на ланч. Четверке гостей предоставили великолепный столик в обращенном к саду конце обеденного зала и принесли меню. Миссис Брэдли провели к столику на одного, у окна.

– Свиная голова! – восхитился мистер Тидсон, ознакомившись с меню. – В последний раз я ел свиную голову, когда был совсем маленьким.

Он принялся напевать что-то себе под нос, пока жена резко не ткнула его в бок. Официантка, милая девушка, уловив его восторг, проследила, чтобы мистер Тидсон получил щедрую порцию головы. Она приняла его заказ на бутылку пива и, поглядывая из своей небольшой ниши между буфетом и сервировочным столом, решила, что этот маленький человечек ошибся с выбором жены и находится у нее под каблуком. Девушке захотелось сделать его пребывание в гостинице приятным, насколько это в ее силах. Он напомнил ей ее американского дядюшку.

– Мне здесь нравится. – Конни одобрительно оглядела великолепный холодный ростбиф и поданные к нему салат и отварной картофель. – Чем мы будем заниматься сегодня днем?

– Чем захочешь, – отозвалась ее тетка. – Крит? Эдрис? А вы что предложите?

– Я буду знакомиться с городом, – объявил мистер Тидсон, – и, возможно, попробую побеседовать с редактором местной газеты. Мне лучше всего будет в одиночестве.

– Я буду сидеть на застекленной террасе, там так тепло и хорошо, займусь вышиванием, – сказала Крит.

– Тогда мы с тобой ходим к больнице Сент-Кросс, – решила мисс Кармоди, – если тебе это по душе, Конни.

Конни сказала, что это ей очень даже по душе, а Крит спросила, что там такого интересного в этом Сент-Кроссе. Пока мисс Кармоди (часто прерываемая мистером Тидсоном, который перед отъездом из Лондона прочел о больнице в путеводителе) отвечала на этот вопрос, блюда поменяли, и компания получила рулет с джемом и заварной крем или, на выбор, сливовый пирог.

Допив свое пиво, прежде чем ему успели помешать, мистер Тидсон направился к столику миссис Брэдли и скоро уже увлеченно обсуждал сыр, ибо она выбрала сыр и крекеры вместо сладкого. Мистер Тидсон попенял ей за отказ от великолепного рулета, и они мило и вдохновенно побеседовали, а затем он вернулся на свое место.

После ланча миссис Брэдли приняла приглашение мисс Кармоди сопроводить их с племянницей до больницы Сент-Кросс, и никто из них больше не видел Тидсонов до ужина.

– Надеюсь, вы поживете здесь подольше, – сказала Конни миссис Брэдли, к огромному удивлению своей тетки.

– Надеюсь пробыть здесь столько же, сколько и вы, – отвечала миссис Брэдли. – Я обожаю Уинчестер, и кроме того, нам с мисс Кармоди есть о чем поговорить.

– У вас будет еще больше тем для разговоров, если дядя Эдрис найдет свою речную нимфу, – заметила Конни.

С заинтересованным видом миссис Брэдли попросила объяснений, хотя мисс Кармоди уже рассказывала ей по телефону о речной нимфе. Сейчас она почувствовала, что Конни нуждается даже в большей помощи, чем мистер Тидсон.

– А... – протянула она, когда Конни, не чуждая остроумию и обладавшая талантом подражания, представила живую картину восторгов мистера Тидсона, – это объясняет выражение его глаз. У него ликующий вид – знак, которого я привыкла опасаться у своих пациентов. Но теперь все прояснилось. Прояснилось, как воды Итчен, – добавила миссис Брэдли, глядя на прозрачную водную гладь, они уже преодолели короткий путь от «Домуса» до улицы Колледж-уок.

– Вы не считаете Эдриса сумасшедшим? – с тревогой спросила мисс Кармоди. – Вообще-то мне все равно, но я совсем не хочу, чтобы он помешался прямо в отеле.

– Да, здесь такому не место, – серьезно согласилась миссис Брэдли. – Более того, такая мысль не приходила мне в голову. Я упомянула о своих пациентах, потому что, за исключением очень маленьких детей, занятых очень темными делишками, все ликующие люди, с которыми я сталкиваюсь, до какой-то степени ненормальные.

– Но дядя Эдрис и есть маленький ребенок, занятый темными делишками, – заявила Конни.

Миссис Брэдли с ней не согласилась и выжидательно посмотрела на мисс Кармоди.

– Да, боюсь, Эдрис действительно ненормальный. В течение тридцати пяти лет его окружали только лишь бананы, – с безграничной простотой объяснила мисс Кармоди.

– Понятно, – отозвалась миссис Брэдли и задумалась. – Сомнений нет, это могло наложить серьезный отпечаток, особенно на чувствительную душу. У мистера Тидсона чувствительная душа?

Конни посмотрела на собеседницу, желая узнать, не шутит ли та, но миссис Брэдли лишь благодушно разглядывала холм Сент-Кэтрин, возвышавшийся в полумиле от них, на другой стороне реки. Прочсть ее мысли по выражению лица не представлялось возможным. Но, о чем бы ни думала миссис Брэдли, по ее профилю трудно было предположить, что размышления носили юмористический характер.

Беседа перешла на земляные укрепления, а потом на архитектуру тринадцатого века и к теме странностей мистера Тидсона больше не возвращалась. Три дамы с интересом провели час в средневековой больнице, по которой их водил один из братьев, а затем вернулись в город той же дорогой, по которой пришли, и, по просьбе Конни, выпили чаю не в отеле, а в кафе-

кондитерской. Частью кафе была единственная оставшаяся колонна норманнского замка Вильгельма Завоевателя – отголосок прошлого, который Конни посчитала романтическим.

В «Домус» они вернулись только в половине шестого. Крит отложила вышивание и читала вечернюю газету, принесенную молодым человеком, который уже влюбился в удивительный зеленоватый оттенок ее волос, стройную фигуру и (как он сказал) бездонные глаза. От мистера Тидсона не было ни слуху ни духу.

– Вы бы и сами могли быть наядой, Крит, – сказала мисс Кармоди, приветствуя ее. – Эдрис еще не пришел со своей прогулки?

Крит, пораженная упоминанием наяды, вновь надела маску отстраненности и легкой скуки и ответила, что Эдрис приходил на чай в половине пятого и съел все, что было на подносе, за исключением одного кусочка черного хлеба с маслом, который достался его жене. Она добавила, что потом он снова ушел.

– Он радуется Уинчестеру словно ребенок, – заметила она в заключение своего повествования.

– Не думаю, что Уинчестер особенно понравится бы ребенку. Я бы сказала, что это рай для взрослого человека, – задумчиво проговорила миссис Брэдли.

Крит бросила на нее тот же быстрый и испуганный взгляд, какой метнула в сторону мисс Кармоди при упоминании наяды, но миссис Брэдли продолжала отрешенно рассматривать алые герани, которые, в дополнение к гладкой лужайке, коричневой земле, дорожкам, посыпанным гравием, заброшенному курятнику и аристократическому кургану, скрывавшему старомодное укрытие от воздушных налетов, представляли главную достопримечательность этого сада, при создании которого проявили не слишком много воображения.

– Ну Эдрис во многом ведет себя скорей как ребенок, когда он доволен. Именно это я имела в виду, – пояснила Крит. – Вы уже пили чай? Нет ли поблизости книжного магазина? Не могу же я все время вышивать.

Конни объяснила, как найти книжный магазин, и добавила, что там же и библиотека у дальней стены зала.

– Нужно пройти магазин насквозь, – любезно добавила она.

– Нет, спасибо! – отрезала Крит. – Я люблю только новые книги. Под этим я подразумеваю книги, которые никто не держал в руках.

– Но, полагаю, их тоже держат в руках. В смысле, новые книги, – сказала мисс Кармоди. – Люди берут в руки новые книги, чтобы посмотреть, хотят ли они обменять на них свои талоны. Никто не знает, что делать с талонами на книги, как я замечаю.

– О, я знаю! – воскликнула Конни. – Все мои друзья дарят мне талоны на книги, и я тоже дарю им талоны на книги. Это избавляет от необходимости придумывать, что подарить.

– Но это не так весело, – сказала мисс Кармоди, которая придерживалась определенных устаревших устоев, хотя и не столь многих.

– Мне нужна книга, и это должна быть новая книга. Эдрису придется что-нибудь для меня найти. Он, несомненно, сообразит, что взять. Меня не так уж и трудно порадовать.

По возвращению мистер Тидсон был поставлен перед задачей поиска книги, которая должна быть легкой и одновременно занимательной. Он пребывал в отличнейшем настроении и пообещал сделать это утром, ведь таким поздним вечером магазин наверняка закрыт.

– Я куплю путеводитель, – решил он. – Это избавит тебя от необходимости посещать достопримечательности и займет больше времени, чем чтение романа.

Мисс Кармоди, которой такое применение путеводителя никогда прежде не приходило в голову, несколько изумилась, миссис Брэдли хихикнула. А Крит заметила, что иногда Эдрису приходят в голову очень хорошие мысли. Она добавила, что совершенно не собиралась осматривать достопримечательности, но человеку следует знать сведения культурной и исторической важности, и путеводитель будет как нельзя более кстати.

На этой ноте супружеского понимания и счастья муж и жена пошли к себе переодеться к ужину, а Конни, которая не слишком устала от дневной прогулки, отправилась, как она сказала, размять ноги. Мисс Кармоди с довольным вздохом присела рядом с миссис Брэдли.

– Так каково ваше мнение об Эдрисе и Крит? – осведомилась она.

– Они, кажется, хорошо подходят друг другу, – задумчиво ответила миссис Брэдли. Данное замечание несколько удивило мисс Кармоди. – Как вы думаете, им нравится их визит в Англию? – продолжала миссис Брэдли.

– Это не визит. Это постоянное жительство. – Мисс Кармоди, поколебавшись, прибавила: – Эдрис вышел на пенсию и покинул свою банановую плантацию, хотя, полагаю, не с таким богатством, как он надеялся. Насколько я понимаю, он понес убытки, и, думаю, торговля должна была пострадать во время войны. Мне кажется, у них не так много средств, а поскольку похоже, что они собираются жить за мой счет, это тоже не столь уж много.

Вежливость не позволила миссис Брэдли расспрашивать дальше, и она перевела разговор на Конни, которая казалась, по ее словам, интересной девушкой. Дурное настроение Конни, которое особенно бросалось в глаза со времени появления Тидсонов, на прогулке как будто рассеялось. Мисс Кармоди рассказала об этом и добавила, что очень любит Конни.

– Она дочь моего двоюродного брата. Я взяла ее ради него, но теперь я делаю это ради себя.

Из этого разговора миссис Брэдли поняла, что мисс Кармоди содержит Конни, и удивилась, что такая с виду независимая девушка довольствуется жизнью с пожилой теткой.

– Формально она незаконнорожденная, – продолжала мисс Кармоди, словно в ответ на осуждающие мысли миссис Брэдли. – Очень печальная история. Мой двоюродный брат – Артур Прис-Гарвард – очень любил мать Конни. Там не было ничего бесчестного. Они собирались пожениться. Конни – первый плод нетерпения.

– А мать? – спросила миссис Брэдли, ощущая, что мисс Кармоди хочет продолжить беседу.

– Милая, милая девушка... Она, к сожалению, умерла, рожая Конни. Какое-то время у Артура было разбито сердце, и, разумеется, все это осложнило жизнь ребенка. Мне жаль, что она не ладит с Эдрисом. Они оба испытывают друг к другу сильнейшую антипатию. Временами это создает такие неловкие ситуации. Конечно, Конни пережила большие невзгоды и пострадала от некоторой несправедливости. Боюсь, это ее ожесточило. Я делаю что могу, но, конечно, это не то, к чему она привыкла. Крайне неправильно обращаться с ребенком несправедливо.

– Понимаю, – сказала миссис Брэдли.

Порожденные данным разговором мысли занимали ее все время, пока она переодевалась к ужину.

В половине седьмого компания вновь встретилась, чтобы выпить по коктейлю и приятно провести время до ужина, который подавали в семь. Мистер Тидсон, по его же словам, провел восхитительный день, исходив город от района Вестгейт до моста через реку и от ворот аббатства Гайд до дальних границ колледжа святой Мэри. Он пригласил миссис Брэдли за их столик, но она отговорила документами, которые собиралась просмотреть во время ужина, и продемонстрировала внушительный чемоданчик, набитый какими-то бумагами, хотя ничего срочного или крайней важного в них не было.

Мистер Тидсон первым вошел в обеденный зал, сделал комплимент официантке, выдвинул стул для миссис Брэдли и даже весьма услужливо расчистил место для документов рядом с ее тарелкой. Затем он увидел, что его компания уселась, развернул салфетку, воскликнул: «Ха! Суп из бычьих хвостов!», и громко попросил винную карту. Сомнений не было, что он пребывает в прекрасном праздничном настроении, и не было сомнений, подумала миссис Брэдли, что вино затем появится в счете мисс Кармоди.

– Вам нравится Уинчестер, сэр? – спросила официантка, принеся бутылку и меняя блюда.

– Уинчестер, – заявил мистер Тидсон, – король городов. А вы, моя дорогая, королева Уинчестера.

– Я из Саутгемптона, – заметила девушка, решив, что хоть мистер Тидсон немолод, но с ним надо быть начеку.

Анекдотов о Саутгемптоне, Ливерпуле и Бристоле – из всех этих городов отплывали суда с бананами – хватило мистеру Тидсону до кофе, и официантка решила, что все же она ошибается и что бедный старичок на самом деле безобиден, что подтверждало ее первое впечатление о нем.

– Надеюсь, – сказал он, меняя тему, когда все впятером они сидели после ужина в гостиной, – что вы составите мне компанию, миссис Брэдли, во время моего знакомства с городом и его окрестностями. Я, как вы можете догадываться, немного подзабыл особенности английской архитектуры после столь долгого пребывания за границей. Вы не против присоединиться ко мне, возможно, завтра или послезавтра?

– С огромным удовольствием, – ответила миссис Брэдли. – Давайте завтра днем? Куда вы хотите пойти?

– Я бы хотел отправиться в Алресфорд, – решил мистер Тидсон, – но так как моей нимфы там нет, я перенесу свой визит в ее честь, и мы прогуляемся до Шофорда, если вы готовы.

– Алресфорд? – очень удивилась Конни. – Но вы не можете туда поехать!

– Именно это я и сказал, – отозвался мистер Тидсон. – Более того, я разговариваю не с тобой!

Глава 3

Доктор Торн также обещал прийти, но ему помешала необходимость навестить пациентов.

Вскоре после завтрака я в одиночестве отправился удить рыбу во Фруктовый сад Уилмотс, как его называют, и оставался там до времени Обед, часов до трех, и очень хорошо порыбачил, поймав трех великолепных Форелей, самая крупная около фунта с четвертью, и четырех отличных Угрей...

Преподобный Джеймс Вудфорд. Дневник сельского священника, том 3, 1788–1792, под редакцией Джона Бересфорда

Сложилось так, что миссис Брэдли провела в Уинчестере всего два дня или, скорее, две части этих дней. Во вторник днем ее вызвали телеграммой к бывшему моряку, которому назначили лечение у психиатра из-за шока вследствие сильных ожогов.

Так что мистер Тидсон продолжил свое знакомство с Уинчестером и его окрестностями в одиночестве – его жена заявила, что предпочитает кресло на застекленной террасе прогулкам и осмотру достопримечательностей, а мисс Кармоди и Конни наотрез отказались от рыбалки.

Мистер Тидсон провозгласил себя заядлым и упорным рыбаком и доказывал, что удочка еще и маскирует серьезность повода его истинной охоты, – поиска наяды. Удочка была отличным прикрытием для переходов вброд и копания в грязи на заливных лугах, пересеченных канавами, ручьями, притоками и каналами, по которым когда-то тянули баржи, и возвращения в отель перепачканным и промокшим. Промокший и грязный рыбак – почти что природный объект, заметил мистер Тидсон, тогда как мокрый охотник за наядой будет выглядеть подозрительно, в особенности потому, что кратчайший путь в отель пролегал через соборную площадь. Поэтому мистер Тидсон обзавелся удочкой из твердой древесины и кое-какими снастями и занялся получением разрешения на рыбалку в местных водоемах.

Первым делом после ланча он проводил миссис Брэдли. Вторым – сходил в редакцию газеты графства с целью разузнать, не появились ли какие-либо дополнения к первому сообщению о наяде. К некоторой досаде мистера Тидсона, мисс Кармоди настояла, что пойдет с ним. Конни, которую он пытался уговорить на эту прогулку, отказалась, не желая, чтобы ее видели в его компании, и объявив об этом самым оскорбительным тоном, на какой она была способна. Девушка отправилась на автобусную станцию, а мистер Тидсон и мисс Кармоди пошли в редакцию.

Сотрудники газеты не смогли рассказать им ничего нового. Они выразили вежливые сомнения в правдивости письма, а также заявили, что для дам как-то необычно купаться в реке рядом с территорией собора. По их мнению, история с наядой была придумана, чтобы обеспечить сенсацию во время мертвого сезона или, возможно, спровоцировать поток писем в газету. Ни в одном из местных изданий это сообщение не появлялось, хотя один здешний житель послал им газетную вырезку. Связаться с человеком, приславшим письмо, они тоже не потрудились. Подумали, что это, наверное, кто-то из отдыхающих в Уинчестере, кому данное место показалось тихим – некоторым оно таким кажется, – и он попытался устроить развлечение в виде глупой мистификации.

Мисс Кармоди слушала внимательно, но критически, тут и там вставляя свое слово. По возвращении в «Домус» она призналась Конни, что по-прежнему слегка встревожена. Она не могла забыть, что мистер Тидсон отсутствовал в Англии очень много лет и к тому же не обладал чувством юмора, и опасалась, как бы эти поиски не навлекли на него неприятности. Она вновь

помянула интуицию, заставившую ее просить миссис Брэдли приехать в Уинчестер, и рассудительно заметила, что была бы рада ее дальнейшей поддержке и успокаивающему присутствию.

Конни, которая собиралась поехать в Андовер, где жили ее друзья, слушала с большим нетерпением – она знала, что опоздает на автобус, если слишком задержится. Так и получилось, к большому ее неудовольствию, поскольку другого автобуса, чтобы успеть обернуться до ужина, не было, в итоге ей пришлось перенести свою поездку, и настроение ее сильно испортилось.

Мисс Кармоди, все еще пребывавшая в смятении, на следующее утро встала в шесть часов и в одиночестве отправилась на прогулку. Она перешла Хай-стрит и минуту постояла перед крестом Баттер-Кросс, прежде чем зайти в арку, которая через лужайку вела к собору.

Она не встретила никого, кроме почтальона, когда проходила мимо летящих контрфорсов южной стены собора и через тихую и красивую соборную площадь. Мисс Кармоди замедлила шаг, как делала все минувшие годы, чтобы полюбоваться домами шестнадцатого века рядом с Королевскими воротами, а потом вошла под арку самих ворот – над аркой стояла церковь святого Свитуна – и по Колледж-стрит свернула к реке.

Она оставила позади книжный магазин при колледже и дом, в котором умерла Джейн Остин, полюбовалась лужайкой на другой стороне улицы и вьющимися розами на внешней стене соборной площади. Прекрасный садик лишился решетчатого ограждения в потрясениях военного времени, но там сохранился старинный колодец, а высокие яркие цветы практически скрывали от глаз каменную стену.

В конце своей улица превратилась в широкую тропинку. Через белую калитку и по липовой аллее мисс Кармоди вышла к заливным лугам, через которые проходило основное русло реки Итчен и протекали прозрачные меловые ручьи, иногда зеленые от водорослей и местами неожиданно глубокие. Вдоль них они с Конни и миссис Брэдли шли к больнице Сент-Кросс в их первый день здесь. Мисс Кармоди пробиралась меж ручейков, наслаждаясь свежим, холодным воздухом раннего утра, по мостику из двух дощечек переходила пруд глубиной в шесть футов⁵ и немного задержалась, чтобы взглянуть на южную сторону больницы, а потом – на рощу на холме Сент-Кэтрин. Ей начало казаться, как призналась она потом в разговоре с Крит и Конни, что, может, то письмо и не розыгрыш, и если что и может удивить, так это не появление наяды, а неспособность ее увидеть. Время, место и объект любви так легко сливаются, подумала она.

Будучи в приподнятом настроении, мисс Кармоди добавила, что, хотя склонна верить автору письма не больше, чем верила, когда находилась в Лондоне, теперь она была готова признать его поэтическую вольность по той прекрасной причине, что Истина, как сказал Тагор⁶, легко изменяется в своем облачении из выдумки.

Крит, явно заскучавшая от всех этих восторженных речей, продолжила вышивать и ничего не сказала. Конни не до конца простила тетку за сорвавшуюся поездку в Андовер и не стала поддерживать беседу своим в ней участием. К разочарованию мисс Кармоди, девушка продолжала дуться и держалась очень неприветливо.

Остаток дня прошел спокойно. Сразу же после ужина мистер Тидсон оставил жену в гостинной с путеводителем и кофе, убедился, что мисс Кармоди и Конни играют в вист, и с удочкой в руках отправился якобы попытать счастья с форелью на вечернем клеве, но на самом деле, как он сказал, залечь в засаде на более пугливую дичь – наяду.

Около половины одиннадцатого он вернулся, насквозь промокший – на нем не было и сухой нитки – и крайне возбужденный. Даже его жена, уже было решившая рассердиться на

---

⁵ 6 футов – ок. 1,8 м.

⁶ Рабиндранат Тагор (1861–1941) – индийский писатель, поэт, композитор, художник и общественный деятель. Первый среди неевропейцев получил Нобелевскую премию по литературе (1913 г.).

него из-за испорченного костюма и туфель, слушала мистера Тидсона с куда бóльшим вниманием, чем обычно. Мисс Кармоди и Конни бросила вист вскоре после ухода Тидсона и пошли взглянуть на собор при лунном свете. Тетка как раз вернулась, а Конни, решившая, что западный фасад довольно-таки уродлив, продолжила вечернюю прогулку в одиночестве.

Слегка дрожавший мистер Тидсон заявил, что, как ему показалось, он успел увидеть наяду. Вдоль реки он дошел до самой больницы Сент-Кросс и, рассмотрев в сгущавшихся сумерках, что рыбаки ловят на приманку, хотя не мог разглядеть, на какую именно, он попытался ловить на мушку, но ему совсем не везло.

Возвращаясь, он шел через дощатый мостик, тот самый, на котором, как выяснилось, стояла этим утром мисс Кармоди, и заметил какое-то мерцание. Ручей изгибался, и мистер Тидсон, перегнувшись через перила мостика, чтобы заглянуть за поворот, потерял равновесие и свалился в стремительный поток. Увешанный гирляндами водорослей и с ранками на ладонях от гальки на дне реки, он с трудом выбрался на берег, где, по счастью, оставил удочку и снасти. Он решил, что легко отделался, если не считать неудобство из-за необходимости выжимать одежду и выливать воду из обуви. Не без удовольствия мистер Тидсон описывал, как возвращался, весь пропитанный водой.

– Мне повезло, – заключил он, – что моего падения никто не видел, иначе я почувствовал бы себя крайне глупо. Но я мог и утонуть. Я жив, поэтому нет нужды волноваться. К сожалению, если я видел именно наяду, то, боюсь, я ее вспугнул.

– И очень хорошо! – Конни вошла в вестибюль во время его рассказа и слушала с нарастающим раздражением. – Бога ради! Вы со своей наядой, дядя Эдрис! Надеюсь, вы пожелали ей спокойной ночи! Если нет, вам стоит пойти и сделать это!

– Сегодня вечером я никуда уже больше не пойду. Но отправлюсь туда первым делом завтра утром, – сказал мистер Тидсон. – Сегодня вечером я вряд ли разгляжу ее, но завтра смогу поискать на берегу ее следы.

– Единственные, кто оставляет на берегу следы, – это коровы и кролики, – отрезала Конни, грубо перебив его. – Вам лучше остаться в постели. Что вы думаете, тетя Присси? Тем не менее сама я встаю рано. Хотите, я вас разбужу?

Мистер Тидсон-таки встал и ушел рано – незадолго до пяти часов, – и вернулся к восьмичасовому завтраку.

– А, овсянка! – воскликнул он в отличном настроении. С виду он несколько не пострадал от своего купания накануне вечером. – И кофе! Великолепно! Что ж, наяды своей я не увидел и Конни не видел, которая очень любезно постучала в мою дверь, но все равно...

– Могу предложить бекон с жареным картофелем, сэр, – сказала официантка, которая все еще питала к нему интерес и желание защитит – отношение, к которому он привык. – Или омлет на тосте.

– Из яичного порошка? – потребовал ответа мистер Тидсон.

– Да, сэр, боюсь, что так.

– Жуткая гадость, – сказала только что вошедшая Конни.

– Великолепно! – воскликнул мистер Тидсон. – Мне нравятся штучки ученых! Непременно омлет на тосте, моя дорогая. Присси, – добавил он, когда официантка отошла, – я почти уверен, что это была наяда. Ты должна пойти со мной, когда тебе будет удобно. Я покажу, где видел ее!

Он плотно позавтракал и после предложил Крит сходить с ним в собор.

– Это еще зачем? – поинтересовалась его жена, которая ограничивала свои визиты в церковь воскресеньями, да и то не всегда.

– Там исполняют Стэнфорда в фа мажоре, дорогая.

– Ну, если ты действительно хочешь, мы можем пойти. Собор наверно следует увидеть.

– Спасибо, дорогая. Я действительно хочу пойти. Нельзя пропустить Стэнфорда в фа мажоре. Занятная тональность. – Он что-то замурлыкал себе под нос.

Поразительно, думала мисс Кармоди, выбирая подходящую шляпку и перчатки, как часто этот кроткий маленький человечек умеет настоять на своем, даже с Крит, эгоистичной и неуступчивой. Возможно, Крит относится к нему по-матерински, подумала она, в каких-то делах он ведет себя совсем как ребенок. Наверно и лгать он может с легкостью ребенка, решила она, прокручивая в уме рассказ мистера Тидсона о его вечернем приключении и повторения, что он на самом деле видел наяду.

Как только завтрак закончился, мистер Тидсон вприпрыжку поднялся наверх и вернулся, неся в руке, уже затянутой в перчатку, сандалию. Он сказал, что ее оставила на берегу наяда. Конни отказалась к ней прикоснуться, заметив, что он еще более глупый старик, если действительно полагает, будто этот перемазанный грязью и стоптанный предмет, которым он хвалится, был на чьей-то ноге, кроме обычного мальчишки. Девушка добавила, что даже если и предположить существование такого языческого создания, как наяда, то она уж точно не стала бы носить кожаные сандали. К ужасу мисс Кармоди, Конни говорила одновременно со злобой и страхом и продолжала обидно бранить своего дядю, когда уже никакой необходимости в этом не осталось.

Мистер Тидсон, который не любил, когда его называли глупым стариком, перестал слушать, выпятил нижнюю губу, отказался с ними разговаривать и по дороге на Хай-стрит швырнул сандалию в кучу хлама, уже лежавшего в тележке мусорщика. Затем он вытер руку в перчатке носовым платком и отправился слушать Стэнфорда в фа мажоре.

Глава 4

*Все это время мы ведем оборонительную войну, а это не что иное,
как сомнительное состояние.
Джон Донн. Посвящение XIX*

Возвращаясь в Лондон, миссис Брэдли размышляла о приятном и неприятном. Ее мысли занимали мистер Тидсон, Крит и Конни и больше всего в некотором роде несчастная мисс Кармоди. Жизнь, думала мисс Брэдли, богата ситуациями, к которым даже мир звукового кино отнесся бы с суеверным недоверием, а семейство Кармоди, включавшее на данный момент странного мистера Тидсона, удивительно красивую Крит, недовольную Конни и ее встревоженную, почтенную тетю, производило впечатление людей, живущих скорее в мире сюрреалистичном, а не в реальном.

Поначалу мысли миссис Брэдли обратились к Конни из-за ее молодости и зыбкого и несоответствующего положения, которое она занимала среди явно несовместимых членов семейного круга мисс Кармоди. Неладно что-то в датском королевстве, насколько это касается Конни. Первое – и возможно, самое очевидное: мисс Кармоди, тихая, никогда не бывшая замужем дама, далеко перешагнувшая за средний возраст, была, вероятно, утомительной компанией для девятнадцатилетней девушки, а миссис Брэдли не сомневалась, что Конни постоянно стремилась к чему-то, например, обзавестись молодым человеком или работой.

Лениво раздумывая, пока автомобиль стремительно мчался к Лондону, миссис Брэдли пришла к выводу, что, поскольку мисс Кармоди недостаточно богата, достаточно ревнива и достаточно болезненная, чтобы требовать постоянного общества молодой девушки, наиболее вероятное объяснение зависимого положения Конни – это то, что девушка может быть незаконнорожденной дочерью самой мисс Кармоди. Хотя вообразить сию почтенную старую деву в роли незамужней матери было сложновато.

По сути, подумала миссис Брэдли, мисс Кармоди представляла собой объект для сочувствия, по крайней мере, на первый взгляд. Ее ограниченный доход, ее безусловно нежеланные и паразитирующие на ней гости и ее сомнения относительно психического здоровья мистера Тидсона – все это ставило ее в один ряд с Бесси Манди⁷, убитой собственным мужем, и другими несчастными женщинами. Она казалась прирожденной жертвой, появившейся на свет, чтобы стать добычей бессовестных людей. Однако, подобно многим предшественницам, не была ли она еще просто глупа, задумалась миссис Брэдли. Дорогая гостиница, счета за вино, ежедневные коктейли – все указывало на это. Кроме того, если она действительно подозревала, что мистер Тидсон безумен, зачем она привезла его в Уинчестер?

Теперь сам мистер Тидсон. Миссис Брэдли было интересно, насколько серьезные убытки потерпел этот господин из-за бананов и как долго он намерен содержать себя и свою жену, живя в квартире мисс Кармоди на ее деньги. До войны земля на Тенерифе стоила тысячи фунтов за акр и приносила, как всегда полагала миссис Брэдли, достаточный или даже существенный доход. Тем не менее, прикинула она, бананы были пусть и сравнительно выносливым и сравнительно неприхотливым, но скоропортящимся продуктом. Если мистеру Тидсону не повезло, он мог потерять большие деньги и оказаться не вполне разборчивым в способах, пожелай он их возместить.

И все же было в мистере Тидсоне что-то не менее жалкое, чем в мисс Кармоди. Если та была беззащитной старой девой, он, конечно, представлял собой тип «маленького человека»

---

⁷ Бесси Манди – первая жена серийного убийцы Джорджа Джозефа Смита, который женился, страховал жизнь своей жены, а затем топил ее в ванной, инсценируя несчастный случай.

из рекламы, комиксов и с подмоштов мюзик-холла. Было заманчиво и в какой-то мере легко считать мистера Тидсона жертвой неблагоприятных обстоятельств; жертвой обмана конкурентов; жертвой сухого ветра сирокко, муссонов и торнадо; игрушкой богов и полубогов; человеком, у которого подошли верблюды и ослы и чьи бананы почернели и погибли; гораздо менее колоритным и, разумеется, бездетным Иовом.

Миссис Брэдли хмыкнула, представив эту картину, но она понимала – что бы кто ни думал о мистере Тидсоне, любой его портрет будет неполным без упоминания его новой игрушки – наяды. Мистер Тидсон был неразрывно связан с наядой, не менее чем с загадочной зеленоволосой Крит, и брак с ней мог оказаться куда менее приятным для мистера Тидсона, чем увлечение наядой, – над этим тоже следовало поразмыслить.

Чем больше миссис Брэдли думала о наяде, тем меньше она ей нравилась. Средних лет джентльмен, обладающий несколько эксцентричным складом ума, мог сделать наяду прикрытием для множества дел, включая значительное количество грешков. Увлекательное, честно говоря, занятие – попытаться выяснить, какие именно грехи помогает скрывать наяда.

Психическое состояние мистера Тидсона не беспокоило миссис Брэдли. Он находился в здравом уме. Даже его лихорадочный интерес к наяде не обязательно свидетельствовал об умственном расстройстве, хотя и мог указывать на болезненную увлеченность. Фантазии, как часто демонстрировали миссис Брэдли ее пациенты, могли принимать самые разнообразные формы. Бегство от действительности не было пороком; для мозга это часто был единственный способ сохранить рассудок. Однако наяда при всем очаровании замысла была достаточно странной и могла вызвать подозрения. Вероятно, это был бессознательно сформулированный образ – своего рода зеркальное отражение – Крит, подумала миссис Брэдли.

Не являлся ли в таком случае мистер Тидсон ревнивым мужем? Рогоносцем, утратившим иллюзии, разочарованным и подвергающимся жестокому обращению? Возможности были бесконечны, и все представляли интерес. В одном, правда, сомневаться не приходилось. Если мистер Тидсон решил создать нимфу ради собственного развлечения или чтобы заполнить эмоциональную пустоту, винить его было нельзя, он хотел в нее верить и хотел ее увидеть. В том, что в скором времени он наверняка с ней встретится – неважно, субъективно или объективно, – миссис Брэдли нимало не сомневалась.

Она оставила размышления о наяде и переключилась на Крит. Платья и украшения были куплены, конечно же, не на деньги мисс Кармоди. Остается открытым вопрос, решила миссис Брэдли, не являются ли банановые потери мистера Тидсона долгами. Интересно, не бежал ли мистер Тидсон с Тенерифе, сопровождаемый вихрем неоплаченных счетов!

Вернуться в клинику было приятно. Поработав четыре часа, миссис Брэдли поехала домой в Кенсингтон, чтобы поужинать вместе с Лорой Мензис, своей молодой, пухленькой, энергичной секретаршей, и послушать городские новости.

– Как Герберт? – спросила Лора о моряке – новом пациенте миссис Брэдли.

Лора, по ее собственному выражению, была «не просто наемницей», но проявляла глубокий и, как ей приятно было думать, конструктивный интерес ко всей работе миссис Брэдли.

– Лучше, чем я ожидала. Он скоро вернется в военную клинику, удивительно быстро поправляется. Безусловно, не самый трудный случай. Я тут о другом думаю, дитя. Хочу узнать все о мистере Тидсоне, который до недавнего времени жил на Тенерифе, это Канарские острова. Удачными охотничьими угодьями может стать Ливерпуль. Посмотри, что ты сможешь о нем найти, хорошо? Не знаю, действительно ли это важно, но он кажется весьма странным человеком.

– Значит, мне нужно ехать в Ливерпуль? – немедленно уточнила Лора. – И какого рода сведения вы имеете в виду? Все о нем кажется задачей не из легких, но, разумеется, если вы настаиваете, так тому и быть!

– Ты должна найти все, что сможешь. Его имя Эдрис; у него есть жена, наполовину гречанка, холодная красавица, зовут ее Крит, насколько мне известно, детей у них нет. Жили они в Санта-Круссе на Тенерифе, одном из Канарских островов, где у него была банановая плантация. Он вернулся домой, в Англию. Похоже, что своих денег у него нет, и они с женой живут за счет не слишком-то богатой старой девы по фамилии Кармоди. Я хочу знать, почему. Мне нужна информация о его финансовом положении, его вкусах, увлечениях, причудах, грехах; был он популярен или нет; оставил ли какие-то долги; и все остальное, что только сможешь придумать.

– По мне, это смахивает на Джорджа Джозефа Смита, помните того серийного убийцу? – сказала Лора. – Можно мне заняться этим вместе с Китти? Сегодня утром я получила от нее письмо, она написала, что взяла трехмесячный отпуск на обдумывание новых причесок послевоенного времени или что-то в этом роде. Неплохо, если бы мы вдвоем покопались во всем этом. Когда я должна вернуться?

– Когда найдешь все о мистере Тидсоне. Думаю, взять Китти – великолепная идея. Если получится, преврати это в отпуск. Почему бы и нет?

– Потому что у меня будет еще один, в сентябре, – тут же ответила Лора. – Кстати, можно мне остановиться в «Алго»?

– Разумеется, если хочешь, дорогая. А что, ты останавливалась там раньше?

– Нет. Но там есть турецкая баня, как донесли мне мои агенты, а старушка Китти в турецкой бане, сдается мне, станет отдохновением для усталого взгляда. Понимаете, после колледжа она все полнеет.

Громко расхохотавшись, она отправилась извлекать все, что можно, о бананах из энциклопедии «Британника» – первый подход к мистеру Тидсону и Канарским островам. Миссис Брэдли сделала несколько заметок о пациенте, а затем позвонила знакомому редактору из газеты «Авангард». Именно «Авангард» напечатала письмо о наяде – это она узнала у мисс Кармоди – и отправила мистера Тидсона в Уинчестер.

– Кто занимается корреспонденцией, поступающей в газету? – спросила она. – Я хочу узнать все о присланном вам несколько дней назад письме про наяду в реке Итчен рядом с больницей Сент-Кросс, в Уинчестере.

– Хотите? Тогда узнаете, – ответили в «Авангарде». – Наяда, говорите? Нынче девушки купаются где им вздумается. Никакого очарования для нас, мальчиков, не осталось. Не вешайте трубку. Я соединю вам с юным Хайлендом.

Юный Хайленд взял трубку, и у миссис Брэдли состоялась с ним краткая, но содержательная беседа, истинная ценность которой стала ясна позднее. Письмо про наяду было подписано неким Джоном Брауном, указавшим адрес на Грейт-Уэст-роуд. Миссис Брэдли записала данные и передала Лоре.

– Странно. Более чем странно, – сказала миссис Брэдли, кладя трубку. Лора, которая сидела за столом, с головой уйдя в статистику и методы выращивания бананов, спросила – почему. Миссис Брэдли хихикнула, но не ответила. – Грейт-Уэст-роуд тянется на несколько миль⁸, между Чизиком и Хаунслоу, верно? Пожалуй, лучше нам приняться за нее с утра. Ты не против прокатиться?

– Спрашиваете, – отозвалась Лора. – Все что угодно, лишь бы не работать!

Поездка оказалась недлинной. Миновав Хэммерсмит и проехав через Чизик, автомобиль скоро помчался по Грейт-Уэст-роуд, мимо заводов и подворотен, пока не пересек канал. За ним Джордж повел машину медленно, высматривая нужный многоквартирный дом.

⁸ 1 миля – ок. 1,6 км.

Автора письма не оказалось, чему совершенно не удивилась миссис Брэдли. Там вообще никогда не жил никто по имени Джон Браун, насколько знал швейцар. Правда, один из арендаторов, дама, еще не въехала.

– И что теперь? – спросила Лора, доложив результаты расспросов.

Миссис Брэдли казалась странно удовлетворенной и кивала, как китайский мандарин, слушая отчет Лоры.

– Почему автор решил остаться анонимным? – спросила она, когда они медленно поехали назад в Кенсингтон.

– Не могу представить, – ответила Лора, – разве что окажется, что никакой речной нимфы нет. Но это и так было заранее известно.

– Да, – рассеянно согласилась миссис Брэдли. – Но я бы хотела знать наверняка. Интересно, кто эта еще не заселившаяся дама и не она ли отправила письмо? В любом случае, дитя, я очень рада, что в субботу ты едешь в Ливерпуль.

– Я бы лучше поехала с вами в Уинчестер гоняться за наядами.

– Не сомневаюсь, и, возможно, тебе это еще предстоит.

– Когда вы возвращаетесь в Уинчестер?

– Не знаю точно, дорогая. Вероятно, где-то на следующей неделе. Это зависит от сведений, которые ты добудешь в Ливерпуле. Мистер Тидсон, без сомнения, здоров, а именно это и хотела знать мисс Кармоди. Моя миссия в Уинчестере завершена. Назад меня влечет лишь любопытство – вероятно, напрасное.

– Иными словами, вы почуяли что-то неладное, – кивнула Лора.

В этот момент зазвонил телефон. Звонили из «Авангарда», оказалось, у газеты был свой корреспондент в Санте-Крус-де-Тенерифе. Насколько он сумел разузнать, никаких слухов о Тидсонах не ходило, кроме как о красоте Крит и сумасбродствах в связи с этим мистера Тидсона. Однако о долгах ничего не известно. За время войны объемы торговли упали, и уже тогда ходили слухи, что Тидсоны хотят вернуться в Англию. Миссис Брэдли даже задумалась, не отменить ли поездку Лоры в Ливерпуль. Казалось, мало что еще можно было разузнать. Однако когда тем же вечером Лора пришла с газетой, вид у девушки был серьезный.

– Что случилось, дитя? – поинтересовалась миссис Брэдли. – Ты читала газету? Что там такое?

– Речная нимфа неожиданно прославилась. Или оскандалилась, как вам больше нравится. Вот, смотрите. Что вы теперь о ней скажете? Вы ожидали такого?

Заметка была короткой, менее четверти колонки. Двенадцатилетнего мальчика нашли утонувшим в маленьком ручье рядом с Пейнуорт-левел. Это был широкий участок заливного луга к северу от города и вдоль его восточной границы. Наяда упоминалась в самом конце.

Ходят слухи о речной нимфе, которая приносит несчастье всем, кто ее увидит. Однако нет оснований предполагать, что трагический случай с Бобби Гриром, родители которого призывали его к осторожности, можно истолковать подобным фантастическим образом.

– Вы ведь не думаете, что мальчик гонялся за речной нимфой, а? – спросила Лора, когда миссис Брэдли прочла заметку.

– Время покажет то, что я думаю, дитя, но я возвращаюсь в Уинчестер для расследования.

Лора сообразила, что начинается новое дело, и ни в коей мере не собиралась возражать.

– Очень хорошо. Я по-прежнему хотела бы поехать с вами.

– Ты сможешь приехать в Уинчестер, едва представится возможность, – успокоила ее миссис Брэдли. – Но я действительно хочу узнать немного больше о Тидсонах и, разумеется, о мисс Кармоди и Конни. С одной стороны, это не мое дело, но именно мисс Кармоди вовлекла меня в эту историю, и мне правда кажется, что она стала жертвой этого ужасного маленького

человечка и его холодной красавицы жены. И за девушку я тоже беспокоюсь. А теперь еще это неуместное упоминание о наяде...

– Я надеюсь вернуться из Ливерпуля поскорее, – заявила Лора. – Скорей всего, проезжу впустую. – Помолчав, она добавила: – Вы думаете, холодность и красота не сочетаются?

– Да, дитя, думаю, не сочетаются.

– В случае с Дэб так и есть, – заметила Лора, имея в виду очень привлекательную девушку, которая вышла замуж за одного из колоритных и удачливых племянников миссис Брэдли.

Миссис Брэдли помолчала, размышляя о Дэборе, которую обожала и которой гордилась. Лора продолжила:

– Можете отчихвостить меня, если я неправа, но вам не кажется, что мистер Тидсон имеет какое-то отношение к данному убийству? Не этого ли ожидала мисс Кармоди, когда вовлекала вас во всю эту историю?

– К убийству? – переспросила миссис Брэдли. – А кто сказал об убийстве?! В газете ничего такого, и, насколько я понимаю, нет никаких причин мистеру Тидсону иметь какое-то отношение к смерти мальчика, если ты на это намекаешь, или же причин нам его заподозрить, если факт убийства подтвердится.

– Отбрили так отбрили! Тем не менее этот мистер Тидсон сразу пришел вам на ум, не правда ли? – пронизательно заметила Лора. – Потому что в газете упомянули о наяде? И почему они назвали это местным слухом?

– Верно, дитя, слух этот не местный, и я не вижу причин, по которым надо было упоминать наяду, но я не собираюсь углубляться в это, пока не закончу расследование, поэтому, пожалуйста, не делай поспешных выводов и не подбрасывай мне ненужные идеи!

– Вы считаете, – допытывалась ничуть не смутившаяся Лора, – что мистер Тидсон сам написал то первое письмо в «Авангард»?

– Это странно, но, вероятно, дитя, хотя существует по крайней мере еще одна другая равная вероятность, особенно если учесть, что съемщик той квартиры, как нам сказали, женщина.

– Ну а зачем кому-то вообще писать его?

– Есть у меня одна догадка.

– В смысле, мистеру Тидсону нужен был предлог, чтобы поехать в Уинчестер?

– Ты слишком умна, дитя, – сказала миссис Брэдли. – Это, несомненно, одна из версий.

– Но зачем выдумывать нечто настолько невозможное, как речная нимфа? – возразила Лора. – Если бы я захотела поехать в Уинчестер – или в любое другое место, коль на то пошло, – я могла бы придумать дюжину гораздо лучших предлогов! Давайте не будем строить совсем невероятные теории! – Она посмотрела на свою работодательницу с изрядной долей укоризны. – Послушайте, мы прекрасно знаем, что речные нимфы – фантазия, и посему оставим их таковыми. Тогда почему же именно речная нимфа? Почему не придумать гигантскую форель? Гигантская форель в Итчен была бы как раз в духе Исаака Уолтона⁹, но наяда!.. Я бы сказала, что этот мистер Тидсон точно с приветом, так его и воспринимайте. Разумеется, убийца – это совсем другое дело.

– Отличная речь, – одобрила миссис Брэдли. – Но мистер Тидсон, если я вообще правильно его поняла, вполне способен не только придумать, но и создать речную нимфу и подкинуть ее таким скептикам, как ты. Поэтому, если ты все же приедешь в Уинчестер, не слишком дави на него, иначе я не отвечаю за последствия.

– Можно подумать, будто вы уже не вычислили последствия, не взвесили их и не решили, как с ними справиться! – грубо засмеялась Лора, чтобы в речи не звучало налета хвalebности. –

---

⁹ Исаак Уолтон – английский писатель XVII века. Автор трактата о рыбной ловле, который содержит не только практические советы, но и шутки и анекдоты. — *Примеч. перев.*

Ничего я не добуду из этих бананов, черт их возьми! Мы должны пойти подготовиться к ужину.
Жратва omnia vincit¹⁰, не так ли?

---

¹⁰ Побеждает все (*лат.*). Лора заменяет слово в латинских изречениях Amor omnia vincit (Любовь побеждает все) и Labor omnia vincit (Труд побеждает все). – *Примеч. перев.*

Глава 5

Возьмите свежесорванные листья руты и истолките их...

*Н. В. Иногда можно заменить заготовленную впрок руту польную понтийской, которая гораздо более приятна и почти так же действенна.
Миссис Сара Харрисон из Девоншира. Карманная книга домохозяйки и т. д.*

Упоминание о наяде вернуло бы миссис Брэдли в Уинчестер и без телеграммы от мисс Кармоди, которую доставили, пока они с Лорой ужинали, но с получением сообщения решение миссис Брэдли окрепло.

«Возвращайтесь немедленно боюсь худшего безумия», гласила телеграмма. К сообщению был приложен бланк оплаченного ответа. Миссис Брэдли заполнила его и вернулась в Уинчестер рано утром в пятницу, чтобы присутствовать на дознании по делу утонувшего мальчика. Мисс Кармоди настояла на том, чтобы пойти с ней, и прошептала перед самым началом дознания, что у нее не осталось надежды.

– Надежды на что? – уточнила миссис Брэдли.

Мисс Кармоди не ответила, и миссис Брэдли спросила себя, не связала ли ее приятельница смерть мальчика с мистером Тидсоном из-за упоминания о наяде и, предположив такую связь, не пришла ли к такому же скоропалительному необоснованному выводу, что и Лора.

Слушание вскоре завершилось. Мало что удалось из него почерпнуть, кроме возраста мальчика, – в газете его назвали тринадцатилетним, но ему было всего лишь двенадцать. Это несоответствие объяснила, заливаясь покаянными слезами, мать – или, точнее, его приемная мать, – признавшаяся, что семья переехала в Уинчестер перед самой войной и что мальчик был сыном каких-то их друзей, которые отослали его из Саутгемптона. Родители его полгода спустя погибли во время налета. Она призналась, что прибавила мальчику возраста, чтобы он мог пойти работать на год раньше, чем позволено законом. Главной причиной ее слез, подумала миссис Брэдли, была алчность, а не горе, ибо эта семья, хотя и скромная, была достаточно благополучной, и женщина сожалела лишь о деньгах, которые теперь не будут заработаны. В остальном казалось более чем вероятным, что она рада была избавиться от ребенка, так как денег, которые государство платило на его содержание, не хватало, как заявила она.

– Не слишком его любили в этом доме! – заметила мисс Кармоди, когда они с миссис Брэдли пешком возвращались в «Домус» на ланч.

– И не дали вразумительных объяснений, как получилось, что мальчик утонул. Интересно, смогу ли я достать разрешение осмотреть тело? Правда, не думаю, что от этого будет какой-то толк. Но кажется довольно странным, что...

– Я узнаю, где состоятся похороны, – с готовностью предложила мисс Кармоди. – После всего, что наговорила эта неприятная женщина, вряд ли у меня возникнет чувство, будто я нарушаю святость скорби! Кстати, мне следует рассказать вам о сандалиии.

– Погибший мальчик был в сандалиях? – тут же спросила миссис Брэдли. – Мне показалось, что на нем были ботинки.

– Да, да. Он был в ботинках. Просто Эдрис сделал нечто очень странное. Вы помните, я предупреждала вас, что он склонен к причудливым идеям...

Она поведала, как мистер Тидсон показывал им сандалию и о том, каким образом он от нее избавился, упомянула и о реакции Конни.

– И, разумеется, он отсутствовал в тот вечер и пришел очень, очень промокшим, а рано утром следующего дня отлучался, – добавила она в завершение и объяснила, как обо всем этом

узнала. – Рука и ладонь у него были исцарапаны, что кажется странным в пруду глубиной в шесть футов.

Семья, в которой жил погибший ребенок, занимала маленький дом в тесном, ничем не примечательном ряду других домов на улице, шедшей вдоль реки на северной стороне города. Без всяких затруднений попав внутрь, чтобы посмотреть на мертвого мальчика, мисс Кармоди и миссис Брэдли обнаружили, что все двери в доме открыты, дабы соседи при желании могли зайти и посмотреть на тело.

Под равнодушными взглядами соседней миссис Брэдли и мисс Кармоди пришлось лишь присоединиться к маленькой очереди болезненно любопытных зевак, чтобы через час оказаться у кровати, на которой лежал мертвый мальчик. Его положили в гостиной, а у изножья кровати поставили ящик для пожертвований на венки и (если судить по внешности приемного отца) на алкогольное утешение для родственников.

Смерть наделила ребенка удивительной и страшной красотой усопшего. Глаза его были закрыты, светлые волосы, тщательно высушенные и расчесанные, были длинными и слегка вились надо лбом, а скрещенные руки покоились на узкой, костлявой груди. Все это миссис Брэдли рассмотрела, откинув покрывало. Люди перед ней проделали то же самое, пробормотав: «Каким спокойным он выглядит», прежде чем вернуть покрывало на место, поэтому она поняла, что не нарушит никаких обычаев, если последует их примеру. Она даже деликатно провела ладонью по макушке, где была необъяснимая шишка – о ней на дознании упомянул врач, – указывавшая на то, что парнишку ударили, прежде чем он утонул, или что он упал на нечто твердое, прежде чем свалиться в чрезвычайно мелкий ручей, в котором его нашли.

Блестящие глаза и сжатые губы миссис Брэдли не выдавали ее мыслей. Она опустила деньги в ящик для пожертвований, в последний раз огляделась вокруг и, сопровождаемая мисс Кармоди, вышла через заднюю дверь дома. Женщины очутились в узком проулке, за оградой которого был виден изгиб реки. Миссис Брэдли окликнула маленькую девочку, прыгавшую невдалеке через скакалку.

– Я хочу посмотреть, где утонул Бобби, – попросила она.

Малышка, ничего так не желавшая, как продемонстрировать незнакомкам место скоротечной сенсации, кивнула с умным видом и многозначительно сказала:

– После похорон я пойду в кино, если смогу добыть денег.

– Ты считаешь, что это правильно? – не удержалась мисс Кармоди, шокированная таким соседством развлечений.

– Это грустное кино, – стала оправдываться девочка. Она отвернулась от несимпатичной мисс Кармоди и важно проговорила, обращаясь к миссис Брэдли: – Это произошло чуть подальше за мостом. Его нашел мой отец.

Миссис Брэдли уже слышала показания мужчины, который нашел тело. Он наткнулся на него вскоре после пяти часов утра по дороге на работу. Медицинские данные – врач осматривал тело в шесть часов – свидетельствовали, что мальчик был мертв менее двенадцати часов. Миссис Брэдли взглянула на мелкий ручей. Он был достаточно широким и порос осокой, но вряд ли его можно было посчитать смертельно опасным, особенно для двенадцатилетнего мальчика. (Хотя шишка на голове все объясняла.)

– Когда твой отец придет домой с работы? – спросила у девочки миссис Брэдли.

Выяснилось, что в течение получаса, а поскольку значительный денежный взнос на кино упрочил права дам на услуги девочки, она проводила их до своего дома на той же улице, где лежал мертвый ребенок. Деревня, примыкавшая к Уинчестеру, состояла из единственной длинной главной улицы, дома на которой почти не отличались друг от друга. Девочка повернула ручку входной двери, пригласила двух дам в гостиную, а сама прошла в кухню за матерью.

– Мам, они пришли из-за Бобби Грира, – позвала она.

Мать, тревожная душа, вошла ужасно перепуганная.

– Вы дамы из женского общества? – спросила она.

– Да, – ответила мисс Кармоди, полагавшая, что может так сказать о себе. – Мы пришли узнать, не требуется ли какая-нибудь помощь. Этот бедный паренек, вы знаете...

– Помочь Грирам? – фыркнула хозяйка. – Осмелюсь сказать, они-то позволят вам это сделать. И хотя я бы не стала сплетничать ни о ком из соседей, потому что это не подобает, да и все очень быстро становится известно, но скажу, что в помощи нет необходимости. Уж очень она алчная, хотя я была бы очень вам обязана, если вы не станете передавать ей мои слова. У нас есть причины не ладить.

Миссис Брэдли отметила, что говорила она задыхаясь. Мгновение спустя это получило свое объяснение.

– Тэд... это мой муж... полицейские грубо обошлись с ним из-за бедного Бобби Грира. Не дали возможности сказать истинную правду. Я пугаюсь каждого стука в дверь и откровенно вам об этом говорю. Тяжело, когда тебе не верят. Что делать Тэду, если он его нашел. Можно подумать, несчастного ребенка убили, и сделал это Тэд, как они повернули дело. Это было так жестоко. И конечно...

Возникла неловкая пауза. Миссис Брэдли закончила предложение:

– ...и конечно, полиция требует таких подробных объяснений, что наша жизнь уже почти нам и не принадлежит.

Женщина кивнула и, видимо, собралась развить данную тему, но в этот момент они услышали мистера Поттера. Он почистил обувь о скребок снаружи у входа, а потом появился в гостиной, дверь в которую вела прямо с улицы.

Он немного засмутился и не особенно обрадовался, увидев посторонних в доме. Пробормотал: «К вашим услугам, дамы», что позднее мисс Кармоди назвала восхитительно старомодным, прошел в кухню и бросил на пол сумку с инструментами. Выглядел он значительно моложе своей жены, был хорошо сложен и привлекателен.

– Придется тебе снова выйти к ним, Тэд, – сказала жена, последовав за ним на кухню. Между ними состоялась продолжительная и приглушенная беседа, а потом жена громко добавила: – Эти дамы пришли к тебе насчет Гриров. Тебе нечего бояться. Хоть ты этого, по-моему, и не заслуживаешь.

Мистер Поттер ответил, что тогда ему надо бы умыться, и начал, судя по звукам, энергично плескаться под краном на кухне. Через десять минут он возник с влажной прядью над лбом и, к удовлетворению мисс Кармоди, в довольно тугом воротничке.

– Знак подлинного уважения, – заметила она в сторону миссис Брэдли.

– Не из газеты же? – нервно спросил мужчина, садясь и кладя на колени большие руки. – Вы не из газеты, ведь так?

– Не знаю, но как получится, – заговорила миссис Брэдли, опережая мисс Кармоди. – Меня тревожит смерть этого мальчика, мистер Поттер. Почему прошло столько времени, пока его нашли?

– А! – воскликнул мистер Поттер и со страшной силой хлопнул себя по колену. – Что я тебе говорил, Лиззи? Говорил же, что я бы подозрительно выглядел, сказал я, если б оказалось, что мальчишку убили, говорил же. Разве я не так говорил, Лиззи? Ты тому свидетель, моя девочка. Я сказал это в ту же минуту, как вошел, когда вызвал полицию. Ну разве не говорил?

Он посмотрел на жену удрученно-вызывающе, видеть это было не очень приятно.

– Да, ты говорил, Тэд, но не знаю, надо ли тебе повторять это при чужих людях. – Миссис Поттер смотрела на незнакомок и старалась понять, какое впечатление произвели слова мужа.

Отношения между супругами были не слишком хорошие, отметила про себя миссис Брэдли. Интересно, что подозревала или, возможно, знала эта женщина.

– Что заставило вас подумать об убийстве, мистер Поттер? – проявила инициативу мисс Кармоди, она подалась вперед, опираясь ладонями на колени.

– Да так, ничего, – ответил он, немного смущаясь, – просто... ну, понимаете, как это бывает, мэм. Мне показалось чудно, что такой здоровый парень, как Боб, утонул в ручье глубиной шесть дюймов¹¹, так сказать, потому как лежал он на самом краю, наполовину в каких-то зарослях. И еще одно...

Он понизил голос и украдкой глянул на жену. Оба они явно ожидали упреков один от другого, почти как если бы поссорились и не хотели, чтобы посторонние об этом знали.

– Будь осторожен, Тэд! – предостерегла женщина. Он пожал своими широкими плечами, но, похоже, не склонен был послушаться ее.

– Да, мистер Поттер? – подбодрила миссис Брэдли, и ее слова возымели гипнотический эффект. Мисс Кармоди выпрямилась на стуле.

– О, пустяк, просто под ним лежала мягкая соломенная шляпа. Полиции я не сказал. Они решили бы, что я выдумываю. Понимаете, мэм, ее не было там, когда я шел на работу после того, как принес мальчика домой и заставил ма Грир вызвать врача.

– Ма Грир! – с издевкой воскликнула миссис Поттер. – Это так ее теперь называют, да? И нечего тебе было упоминать об этой шляпе! Мое мнение, так очень вероятно, что ты сочиняешь. А то, что он не утонул, так ты прекрасно знаешь, что его бедная головенка находилась под водой! Ты сам так сказал коронеру! Не помнишь? Боб утонул. Его голова находилась под водой. Так ты сказал и не можешь теперь от этого отказаться.

– Ну совершенно верно, она была под водой, – поспешно согласился мистер Поттер. – Но если бы эти дамы увидели то место, держу пари, они поняли бы, что я имею в виду. Там недостаточно глубоко, чтобы утонуть, во всяком случае, не для парня в сознании.

– Та же мысль посетила и меня, – сказала миссис Брэдли. – Но мальчик мог упасть и потерять сознание, как предположил на дознании врач, и свалиться в воду. На голове у него большая шишка.

– Но шишка у него на макушке, а он лежал в воде лицом вниз, – возразил мистер Поттер. – Потому-то коронер вынес открытый вердикт¹². И совершенно правильно, по моему мнению. Слишком много убийств случилось после войны.

После краткой паузы миссис Брэдли спросила, не хватились ли мальчика родители в среду вечером, и вновь заметила, что до момента обнаружения Бобби прошло очень много времени. Неужели родители не искали его, поинтересовалась она.

– Приемные родители. Он не был их сыном, – напомнила миссис Поттер. – Хватиться мальчика? Это не про них. Сидели, как всегда, в пабе «Бул и бушел». Как всегда по средам и субботам. Там они и были как пить дать! Что скажешь, Тэд? Ты-то должен знать, где проводит время старик Грир!

Мистер Поттер подтвердил предположение жены, сказав, что видел их. Он сам выпил полпинты, добавил мужчина, умоляюще взглянув в сторону жены, а Гриры сидели там вдвоем.

– Это все знают? – спросила миссис Брэдли. – Что они посещают пивную по средам и субботам?

– В округе все знают, это точно.

– А в городе?

– Мы в город не ходим. Никто, кроме церковных.

– Ясно.

---

¹¹ 6 дюймов – 15,24 см.

¹² Открытый вердикт выносится, когда присяжные подтверждают, что смерть является подозрительной, но без возможности доказать причину.

– Мы тут до недавнего времени были отдельной деревней. Может, кто и работал в городе, но в их дела не совался. В любом случае мы ничего о них не знаем. Наш декан¹³, он в Уинчестере бывает. А мы тут сами по себе.

– Да, понятно. Тогда... а дети не ходят играть на реку к Уинчестеру? Неужели они никогда не ходят на заливные луга к больнице? – вмешалась мисс Кармоди, думавшая прежде всего о нимфе и мистере Тидсоне.

– А зачем им туда ходить? – удивился мистер Поттер. – У нас тут своя речка в деревне. Зачем им туда идти? Если вздумается пойти подальше, то они идут, например, по дорожке к ручью у ворот короля Альфреда.

– Ясно, – сказала миссис Брэдли. – Что за мальчик был Бобби Грир? Другие мальчики с ним дружили?

– Этого я не могу вам сказать, мэм. Плохо его знал. Моя младшенькая, она может вам сказать. Но он не был родным сыном миссис Грир, как я уже и говорила минуту назад.

Миссис Брэдли кивнула. Маленькой дочери Поттеров нигде не было видно, когда две пожилые дамы покинули дом. Миссис Брэдли уже собралась предложить вернуться в «Домус», когда мисс Кармоди, к ее изумлению, сказала:

– Я думаю, нам следует прощупать эту Грир и Эдриса.

– Прощупать? – переспросила миссис Брэдли.

– Разумеется. Должно быть, Эдрис – тот человек, которого полиция разыскивает за убийство. Вот! Получилось! Я это сказала!

– Но почему вы это сказали? – осведомилась миссис Брэдли. – Что заставляет вас связывать мистера Тидсона со смертью этого мальчика?

– В каком-то смысле мало что, но в другом – очень много, – таинственно ответила мисс Кармоди, и они вернулись к дому миссис Грир.

Сейчас там было тихо. Жители деревни удовлетворили свое любопытство, входную дверь закрыли, и семья уселась пить чай. Миссис Брэдли пришлось постучать дважды, прежде чем дверь приоткрылась на крошечную щелочку, из которой с подозрением выглянул глаз.

– Когда вы впервые хватились Бобби? – спросила миссис Брэдли, считая тактику внезапного нападения наилучшим способом познакомиться.

– Мы не хватились, – ответил хозяин глаза. – И не хотим, чтобы нас продолжали беспокоить. Нам еще надо позаботиться о похоронах.

Дверь захлопнулась. Миссис Брэдли взяла мисс Кармоди за руку и поспешно повела по улице. В Уинчестер они пришли по Уотер-стрит и Бридж-стрит. Всю дорогу мисс Кармоди задавала только один вопрос, но именно на него миссис Брэдли не в состоянии была дать удовлетворительный ответ.

– Разве вы не считаете, что мальчика убили?

– Только шестым чувством, а это вряд ли произведет впечатление на полицию, – объяснила миссис Брэдли. – Больше всего меня интересует эта шишка у него на макушке. Я ее пощупала, как вы, конечно, заметили. Достаточно сильный удар, чтобы оглушить, и я не сомневаюсь, что так и получилось, но определенно убил его не удар. Вопрос, конечно, заключается в том, откуда шишка.

– Ну, – с некоторой долей нерешительности проговорила мисс Кармоди, – он мог удариться головой случайно, а потом потерять сознание или запутаться в траве и упасть лицом в воду. Но ведь была же та сандалия, которую Эдрис забросил в тележку мусорщика. Крит рассказала мне об этом вчера вечером, а потом, думаю, пожалела о сказанном, хотя, разумеется, у меня и в мыслях не было напомнить ей об этом. Конечно, может, она и рада была бы изба-

---

¹³ Декан – старший священник, наблюдающий за группой приходо́в. – *Примеч. перев.*

виться от Эдриса, и если докажут, что он убийца... Знаете, я боюсь Эдриса. Он действительно очень странный человек...

Миссис Брэдли ничего не сказала. Она была слишком потрясена, чтобы говорить. Существовали разные способы, которыми Крит могла напомнить мисс Кармоди о сандалиии, и миссис Брэдли невольно спрашивала себя, не таилось ли в замечании мисс Кармоди неприятное лицемерие. В конце концов, учитывая все обстоятельства, представлялось гораздо более вероятным, что не Крит, а мисс Кармоди желала избавиться от мистера Тидсона.

Перед мысленным взором миссис Брэдли встала еще одна непрошенная картина – высокая кроткая старая дева посещает собор при лунном свете. При луне, размышляла миссис Брэдли, искоса поглядывая на свою спутницу, почти у любого человека проявляются не самые добродетельные черты характера. «Встретимся при лунном свете, гордая Титания...»¹⁴ Она вдруг захихикала, испугав младенца и собаку.

– Почему вы засмеялись? – нервно вздрогнула мисс Кармоди.

– Своим мыслям, – ответила миссис Брэдли, – хотя они вовсе и не веселые. Как круто идет вверх Хай-стрит в сторону Западных ворот, не правда ли?

– Ну, и что теперь вы думаете о моей наяде? – спросил мистер Тидсон, когда компания собралась, чтобы выпить по коктейлю перед ужином. – У меня есть теория, что мальчик утонул, преследуя ее, понимаете? Она даже могла заманить его в воду.

– Да, ты это уже говорил, – сказала Крит. – Но непонятно, с чего ты опять об этом.

– Он был милым мальчиком. Я его видела, – вступила мисс Кармоди. Она рассказала о визитах, совершенных днем ею и миссис Брэдли, но разговоры пересказывать не стала.

– Таких родителей, которые уходят по вечерам и предоставляют детей самим себе, ждет очень серьезная ответственность, – проговорил мистер Тидсон, улыбаясь Томасу, которого мановением руки заставил подойти к ним. – Думаю, сегодня вечером коктейли с шампанским, Томас.

– Очень хорошо, – ответил тот, показывая интонацией, что это далеко не так. – А что для юной леди?

– Джин с итальянским вермутом, – попросила Конни, – и принесите, пожалуйста, вечернюю газету, Томас.

– Газеты закончились, но можете взять мою, если пообещаете не разгадывать кроссворд, – предложил Томас. – В среду вы написали «повадка» вместо «посадка» и ужасно меня расстроили.

– Но «повадка» было правильно! Я на следующий день посмотрела в ответах! – возмутилась Конни.

– Я разгадываю кроссворд не ради правильности, – заявил Томас, испепеляя девушку взглядом. – Только дурак это делает! Но если бы вы вставили «посадку» туда, где должна была быть «повадка», вы получили бы «секцию» вместо «лекции», а это дало бы вам «свинец» вместо «белил». «Белила»! Ну, ну. – Он усмехнулся. – «Белила» там, где можно было поставить «свинец»!

– Очень странный тип, – заметил мистер Тидсон, с нервным интересом глядя на удаляющуюся фигуру Томаса и два драконьих глаза серебряных пуговиц на его ливрее – обязанности носильщика и официанта, приносящего коктейли, Томас исполнял в одной и той же зеленоватой униформе. Она была отделана серебряными пуговицами и серебряной тесьмой на манжетах, и он носил ее много лет. Ткань уже истерлась, но ничто не убедило бы его надеть новый и красивый синий с золотом костюм, о котором только и мечтала управляющая отелем. Как-то утром Конни застала Томаса натирающим пуговицы порошком для чистки посуды, он при-

¹⁴ Строка из пьесы У. Шекспира «Сон в летнюю ночь».

знался, что ему нравится навести немного блеска на свои кругляшки, так как, между ними говоря (в смысле, между ним и Конни), они напоминают ему о костюме с килтом, который он носил в детстве в Килмарноке.

– Он не только странный тип; он еще и очень умный человек, – сказала мисс Кармоди. – И подает отличный херес, – добавила она, – хотя, возможно, это скорее заслуга отеля, а не его личная.

– Но сегодня херес мы не пьем, – вмешалась Крит, – а коктейли с шампанским Томас не одобряет.

Она улыбнулась Томасу, когда он вернулся с напитками. Он наклонил голову, давая понять, что принимает ее улыбку, но ни один мускул не дрогнул на его лице ветхозаветного старца, когда он поставил фужеры на полированный стол.

– Мне кажется, – вдруг заговорила миссис Брэдли, – что Конни следовало бы прогуляться со мной на холмы завтра. Сходим? – повернулась она к девушке. – Думаю, ты ходишь быстро и на большие расстояния, а мне нужна физическая нагрузка.

– Я с удовольствием пойду с вами, – согласилась Конни. – А вы, тетя Присси? – повернулась она к мисс Кармоди.

– Вы с миссис Брэдли оставите меня без ног, – спокойно ответила мисс Кармоди. – Я напишу своим «матушкам» из Общества. Я очень задержалась с этим делом. Сяду с Крит, пока она будет вышивать. Что вы на это скажете, Крит?

– Она ничего не скажет, – вмешался мистер Тидсон, поднимая свой бокал. – Разве она может возразить, моя дорогая Присси? Приличия не позволяют ей сказать, что она предпочитает только свое собственное общество, а если она говорит, что рада вашему присутствию, никто не станет вас винить, если вы посчитаете ее притворство искренним.

После этой довольно оскорбительной речи он задумчиво сделал глоток, затем внезапно вздрогнул и возбужденно позвал Томаса. Универсальный слуга появился и неодобрительно уставился на гостей.

– Чего вам? – осведомился он, с непреклонным видом нависая над крохотным столиком, подобно малому пророку с серьезным посланием.

– Этот коктейль! Где бренди? – требовательно спросил мистер Тидсон.

Томас взял бокал, нахмурил взъерошенные брови, прошел к окну, посмотрел на просвет ни в чем не виноватый напиток, а потом ответил уничижительным тоном:

– Я посмотрю.

– О боже! – проговорила мисс Кармоди, делая глоток. – Вы его допекли! В следующий раз он вообще не нальет в них бренди! Умеете вы рассердить человека, Эдрис!

– Я знаток, – отрезал мистер Тидсон. – И когда знаток обнаруживает, что предполагаемый шедевр отнюдь таковым не является, честь вынуждает его сказать об этом. Предлагаю, моя дорогая Крит, и тебе оставить свой коктейль.

– Именно это она и делает, – грубо сказала Конни, наблюдая, как Крит пробует свой напиток. В этот момент вернулся Томас, неся на серебряном подносе бокал.

– Ваш напиток, сэр... укреплен!

– Великолепно! – Мистер Тидсон попробовал коктейль. Подождал, пока Томас уйдет, и затем сказал: – Поразительно, моя дорогая Конни, какие чудеса творит проявление твердости.

– Да, вам стоит как-нибудь попытаться, дядя Эдрис, – со злостью парировала девушка.

Мистер Тидсон с опаской на нее посмотрел, поспешно сделал глоток и поперхнулся.

– Очень жаль, что вам не понравилось правильное соотношение, – сказал Томас, подходя с салфеткой и вытирая жидкость, пролившуюся на светло-серый костюм мистера Тидсона. – Может, в другой раз вы признаете, что этот коктейль хорош для вас лишь с каплей бренди.

Все онемели от того, как Томас мастерски поставил мистера Тидсона на место. Все, кроме Конни, которая, к ужасу гостей за соседним столиком, вдруг поставила бокал и разразилась истерическим хохотом.

– Дорогая, прошу, возьми себя в руки, – прошептала ее тетка. Конни вытерла глаза, извинилась, глотнула коктейль и выбежала в сад.

– Не понимаю, почему Конни так плохо себя ведет, – покачала головой мисс Кармоди. – Приношу за нее извинения. Она привлекла к нам всеобщее внимание, а в общественном месте такое непростительно. Пойду позову ее назад. Она должна хотя бы извиниться.

Оказалось, что Конни вполне готова это сделать и покорно сидела, дожидаясь приглашения к ланчу.

– К слову о планах, должен сказать, я надеялся, что кто-нибудь из вас пойдет со мной на реку посмотреть, как я буду ловить рыбу, – подал голос мистер Тидсон, пытаясь вернуть самообладание.

– Только не завтра, Эдрис, – отказалась мисс Кармоди. – Я действительно должна написать в Общество.

– Может, я пойду, – дружелюбно предложила Крит. – Решено, я пойду, если не слишком далеко.

– Нет, нет. Я снова попытаю счастья в водах у Сент-Кросс. Мне бы хотелось поудить у Итчен-Эббеса, но, увы!.. там частное владение, а с владельцем у меня нет общих знакомых. Неважно! Я должен по полной использовать свое разрешение.

– Я думала, что почти все водоемы в частной собственности, – сказала Конни. – Вам разрешают забирать выловленную форель?

– Он ловит не форель, а только речных нимф, – напомнила Крит, – и, как говорит, у него есть лицензия на отлов.

– Можно ли арестовать человека за убийство, если он поймает речную нимфу? – продолжила Конни.

– Вероятно, только за грубое обращение с животными, – отозвалась Крит. – Возможно, Эдрис, ты предпочел бы пойти один?

– Нет, нет. Пожалуйста, пойдем со мной, моя милая. Наяда может распознать в тебе соотечественницу.

– Наполовину соотечественницу, – не удержалась Конни.

Крит посмотрела на нее с ленивой враждебностью.

– Тебе следовало бы держаться с Крит полюбезнее, – попросила мисс Кармоди, отойдя с племянницей в гостиную после ланча, хотя там и сидела миссис Брэдли, писавшая письмо Лоре. – И с Эдрисом тоже.

– Я любезна, насколько могу. Мне не нравится дядя Эдрис, и Крит мне тоже не нравится, и я жалею, что мы поехали с ними в Уинчестер. И я изо всех сил стараюсь угодить вам, тетя Присси, вы знаете, что стараюсь, но, мне кажется, для меня настало время жить своей жизнью, что я и собираюсь сделать, как только мы вернемся домой. Мне будет не хватать коктейлей, но я больше не могу так. И вы не можете этого от меня требовать. Я знаю, вы считаете, что я груба с дядей Эдрисом, но таким образом я не даю ему пугать меня, только и всего.

– Что все это значит? – спросила мисс Кармоди. – По-моему, опять какая-то чепуха.

– Я собираюсь найти работу. Вообще-то, я уже нашла. Платят четыре фунта десять шиллингов в неделю, и я уже прошла собеседование. Настало время мне иметь собственные деньги. Я не намерена жить у вас из милости и не стану! – Конни почти кричала.

– Из милости? – проговорила мисс Кармоди, скрывая, как она надеялась, свои истинные чувства. – Но, Конни, дорогая, об этом никогда не было и речи. Я была только рада твоему обществу. Ты должна знать, как с тобой интересно и приятно, и я всегда думала...

– Что ж, вам больше нет нужды так думать! Я ухожу! – грубо оборвала ее Конни.

Мисс Кармоди была глубоко огорчена. Она сглотнула, с жалостливым ужасом посмотрела на племянницу, а потом вышла из комнаты.

– Так, так, – миссис Брэдли встала из-за стола, – и сколько же тебе лет?

– Девятнадцать, – призналась Конни, стыдясь своего нежного возраста.

– Так много? Возможно, ты права. Нет, я уверена, что ты права. Мне интересно, жить ты будешь у своей тети или снимешь жилье?

– Я намерена переехать на квартиру, – ответила Конни, ее глаза наполнились слезами, выдавая истинное отношение к собственному дурному поведению. – Знаете, насчет тети Присси, на самом деле я не хочу ее обижать, но я чувствую, что должна от нее оторваться! Все это слишком для меня. Иногда мне кажется, что я схожу с ума! И вы не знаете, как несправедливо со мной обходились!

– О, дорогая! – сказала мисс Кармоди, вернувшись со слегка порозовевшими веками. – Но ты будешь вежлива с Крит и Эдрисом? Понимаешь, мне бы не хотелось, чтобы они подумали, будто ты покинула меня из-за них. Это ранило бы их чувства, а мне бы этого не хотелось.

– Я не понимаю, почему они должны жить за ваш счет. И мне все равно, чьи чувства я раню, кроме, может, ваших, тетя Присси.

Она беспомощно посмотрела на свою тетку, а потом расплакалась. Мисс Кармоди поспешно увела ее из комнаты, но горестные рыдания девушки слышны были все время, пока они поднимались по лестнице.

Глава 6

Я нацелил мушку, не показывая ему лески: он повернулся, чтобы заглотить мушку, но прежде того проплыл вокруг, чтобы посмотреть, нет ли лески с другой стороны. Он ее увидел и отклонился от курса. Мне так никого и не удалось убедить в истинности этой простой и правдивой истории.

Дж. У. Хиллс. Лето на реке Тест

На следующий день миссис Брэдли, много размышлявшая над результатами совместной с мисс Кармоди экспедиции, потратила некоторое время, чтобы обсудить обстоятельства смерти мальчика с Тидсонами. Мистер Тидсон не отступал от своей теории, что мальчика заманила в воду наядя.

«Я знал, что это произойдет», – заявил он.

Миссис Брэдли наблюдала за Тидсоном острым взглядом своих черных глаз, рот снова стал похож на птичий клюв, пока она подмечала наиболее характерные черты, оценивала его с точки зрения причуд, невезения, жаркого солнца и зеленых бананов – и вынуждена была сбросить его со счетов или скорее отставить пока в сторону. Так же поступила она и с разговором между Конни и мисс Кармоди, который произошел в гостиной. Что-то скрывалось за этим разговором, и она собиралась во всем разобраться, когда сможет.

Тем временем Лора прислала занимательное письмо из Ливерпуля, где она и ее подруга Китти ухитрились совместить исследования о бананах с развлечениями. Им удалось, лихо писала Лора, познакомиться с человеком, который кое-что знал про Тидсонов в бытность их в Санта-Крус-де-Тенерифе.

Тидсоны, как выяснилось, были хорошо известны в Спортивном клубе, в Английском клубе и яхт-клубе, в основном благодаря необычной и поразительной красоте Крит. Как-то даже произошел скандал бытового свойства, в котором оказался замешан мистер Тидсон, изменивший своему положению женатого человека и увлекшийся какой-то юбкой, и ходили слухи, что ему пришлось отдать большую часть своих денег, дабы скандал этот замаять. Однако история эта была давняя, прошло по крайней мере лет восемь. Существовали и более обоснованные сплетни, а именно, что Крит была неисправимо расточительной женой.

Данные сведения совпадали с тем, что миссис Брэдли уже узнала от редактора «Авангарда», и она не усмотрела в них ничего удивительного или особенно тревожного.

Лора может сделать запрос непосредственно в Санта-Крус, писала помощница, если миссис Брэдли посчитает это нужным. Миссис Брэдли считала это нужным, но решила, что время для этого еще не пришло, поскольку пока у нее не было ничего против мистера Тидсона, кроме догадки, что его речная нимфа была ширмой и предлогом для деятельности, которую он не хотел афишировать. Включало ли это смерть мальчика Грира, миссис Брэдли не знала, хотя невозможно было отделаться от неприятного ощущения, что могло. Однако ничего не связывало мистера Тидсона с утонувшим мальчиком, кроме того факта, что с момента приезда их компании в Уинчестер он почти все свое время проводил у реки и что при одном знаменательном случае упал в воду.

Мисс Кармоди, страстно желавшая отыскать доказательства в поддержку своей, несомненно, шокирующей теории, что мальчика убил ее родственник, ссылалась на это прискорбное происшествие и подчеркивала, что оно довольно точно совпадало со временем смерти мальчика. Также она вновь упомянула сандалию, которую мистер Тидсон бросил в тележку мусорщика.

– Я знаю, что сандалия его разволновала, – настаивала она.

На следующий день миссис Брэдли и Конни на прогулку не пошли, так как погода стояла дождливая, и поэтому все, за исключением Крит, отправились днем на службу в собор, чтобы послушать Нобля в си миноре.

– Очень хорошая тональность для *Nunc Dimittis*¹⁵, а вот насчет *Magnificat*¹⁶ я не столь уверен, – сказал мистер Тидсон, когда они переходили узкую Хай-стрит, уворачиваясь от уличного транспорта.

Своего мнения о тональности си минор мистер Тидсон не пересмотрел, но толково рассуждал о Стэнфорде в ля мажоре и Вуде в фа мажоре, пока шел рядом с миссис Брэдли через соборную площадь и ворота церкви святого Свитуна.

– В детстве я пел в церковном хоре, – пояснил он.

Миссис Брэдли невольно все больше и больше интересовалась этим странным человеком. Чувствовалось, что его потенциальные возможности безграничны. Ее так и подмывало спросить, прямо в лоб, убийца он или нет, но она понимала, что это погубит их дружеские отношения, а честного и откровенного ответа она не получит.

Вечер прошел в приятном общении и только выиграл от отсутствия Конни, которая ушла спать сразу после ужина, сославшись на головную боль. Однако именно на долю Конни выпало обеспечить следующую череду волнений. Сделала она это в любимой молодежь манере – поднимая тему привидений. Начала она с разговора с Томасом на следующий день. Воинственным тоном завела странную тему, потребовав у достойного старика ответа на вопрос, есть ли в отеле привидения.

– Я слышала, что есть, – заявила она, – и совершенно уверена, что это может быть правдой. Что скажете, Томас? Ну вы знаете, тени и призраки, и все такое.

– «И шум бречащих в склепе костей»¹⁷, – поддержала миссис Брэдли.

– Ой, не надо! – встревожилась Конни. – Пожалуйста, не надо!

– И, – подхватила мисс Кармоди, простодушно добавляя свою цитату к, как ей подумалось, интеллектуальной игре, – «на облаках небесных силы восседают»¹⁸, вы помните.

Мистер Тидсон, хихикая над Конни и избегая встречаться взглядом с Томасом, приспособил к теме беседы стихотворение Роберта Бернса о мыши, продекламировал строчку про «крошечных существ». Остальные смотрели на Томаса выжидательно.

– На другой стороне города есть маленький домик, – мрачно начал Томас, – говорят, там слышат шаги.

– Не хотела бы я их услышать, – сказала Конни. – Но я говорю не о доме на другом краю города. Я говорю об этом отеле. Вы должны знать, есть в отеле привидения или нет. Вы же достаточно долго здесь живете, Томас.

– Отели строят не для привидений. Может, потому, что гости не в состоянии их выдержать, – Томас забрал маленький круглый поднос. – Призраки не пойдут туда, где им не рады.

Конни почувствовала себя оскорбленной этой оригинальной¹⁹ мыслью и больше вопросов не задавала; но миссис Брэдли, у которой были свои причины для интереса, на следующий день после ланча подошла к Конни.

– Прогуляешься со мной до вершины холма Сент-Кэтрин? Сегодня прекрасная погода, и если даже и скользко, нам нипочем. Я, пожалуй, не против послушать о твоём привидении.

– Вам наверно кажется, что это звучит глупо? – спросила Конни, защищаясь.

¹⁵ «Ныне отпускаеши...» (*лат.*), начальные слова молитвы Симеона Богоприимца. – *Примеч. перев.*

¹⁶ «Величит» (*лат.*), первое слово славословия Богородицы «Величит душа моя Господа...». – *Примеч. перев.*

¹⁷ Строка из поэмы М. Дрейтона «Нимфидия, или Двор фей».

¹⁸ Строка из стихотворения Т. Кэмпбелла.

¹⁹ Сомнительно. Вероятно, это широко распространенная теория, но она, разумеется, не применима к полтергейсту. – *Прим. автора.*

– О, не вижу причин, почему бы в отеле не водиться привидениям. У него давняя и бурная история. Ты еще не нашла убежище священника?²⁰ Возможно, ты видела его во время прошлого визита? Я знаю, что ты уже здесь останавливалась. – Миссис Брэдли не обращала внимания на возражения.

– То длинное помещение со шкафом для белья, уходящее на две или три ступеньки вниз от верха главной лестницы?

– Кажется, оно. Существует предание, что там прятался иезуит, когда хозяйку дома допрашивали в городском совете. Он хотел сдать, но слуги ему не позволили. Они сказали, что тут затронута честь дома, и это, надо признать, было правдой.

– Мое привидение было монахиней, – сказала Конни. – Ничего особенного не случилось, но я, пожалуй, больше не хочу спать в своей комнате. Думаете, мне поменяют номер, если я попрошу? Я не хочу, чтобы надо мной смеялась эта Крит Тидсон, которая меня презирает. Вот если бы можно было поменять комнату, чтобы она не знала. А еще лучше, если бы моя работа началась немного раньше и я совсем уехала бы из отеля!

– Поменяйся со мной, если тебе так хочется, – предложила миссис Брэдли, – и мы никому ничего не скажем. А теперь идем и узнаем, сколько миль мы сможем одолеть.

– О боже! Видимо, теперь мне точно придется пойти с вами, – простонала Конни, даже не поблагодарив за предложение.

Мисс Кармоди уехала в Алресфорд, Крит решила прилечь отдохнуть, а мистер Тидсон, как обычно, отправился по своим делам.

Выбранный мисс Брэдли маршрут пролегал мимо собора и через площадь перед ним, по Колледж-стрит и Колледж-уок, а затем – по дорожке вдоль реки, к тропинке через заливные луга. Таким образом, они вышли к основному руслу реки Итчен, только этим путем – и, несомненно, самым приятным – можно было достичь холма Сент-Кэтрин.

Дальше тропинки разделились: через реку был перекинут мост, ведущий к бечевнику²¹, а по правому берегу, который и выбрала Конни, вдоль воды шла узкая тропка. Там росли незабудки и василистник, а на пруду рядом с рекой – желтые кувшинки, все ручьи изобиловали водяным крессом, а в заливных лугах по колено возвышался кукушкин цвет.

Большую часть пути миссис Брэдли и Конни шли друг за другом в молчании. Наконец они пересекли обходную дорогу и начали подниматься на холм.

К первым из доримских земляных сооружений, венчавших холм, они поднялись по вырубленным в меловой скале ступенькам. С круглого плато, поросшего короткой упругой травой, открывался прекрасный вид на реку, город и заливные луга. За рекой просматривались холмы вокруг общины Оливерс-Бэттери, а дальше, на юго-запад, – возвышенности Комптон-Дауна.

– Ну что ж, – проговорила миссис Брэдли, когда они с Конни, усевшись на траве, смотрели на холмы вдаль, – рассказывай и, пожалуйста, ничего не упусти.

– О привидении?

– О привидении, дитя.

– И вы правда поменяетесь со мной комнатой? Правда?

– Конечно. Признаюсь, мне бы хотелось увидеть привидение. О подобных вещах так много читаешь, а на деле – так мало видишь. Кто знает, может, этот отель – место крайнего физического интереса и важности.

Она хихикнула, но Конни осталась серьезной.

– Ну если вы и в самом деле не против, я была бы страшно рада. Знаете, это монахиня. Я ведь вам уже сказала, да?

---

²⁰ Тайная комната, в которой прятали священников-католиков во времена гонений в XVI веке. – *Примеч. перев.*

²¹ Полоса берега, которую отводили для людей или лошадей, тянувших судно на бечеве. – *Примеч. перев.*

– Монахиня?

– В белом облачении. Она ужасно маленькая, и она... и она пищит.

– Пищит?

– Да. Не знаю, как еще описать это. Она жутко меня пугает. Я спряталась под одеялом и молилась, чтобы она ушла, а когда я выглянула в следующий раз, она исчезла.

– Где в комнате она появилась?

– Рядом с туалетным столиком, кажется. Но я не могу сказать точно. Где-то между ним и камином.

– Ты представляешь, в какое примерно время она появилась?

– Да, но не точно. Очень скоро после ее исчезновения я услышала, как часы пробили три.

– Ты уверена, что услышала время правильно?

– О да. Сначала прозвучала мелодия, а потом раздались три ясных удара. Думаю, вы слышали часы, о которых я говорю. Мне кажется, они где-то рядом, но в городе, а не в отеле.

– Ну, дитя, посмотрим, повезет ли с этим мне. Если ты готова, давай поднимемся до той рощи.

– Вы идите, – сказала Конни. – Я лучше полюбуюсь видом.

Миссис Брэдли встала и по широкой травянистой тропе, вытопанной почти до мелового слоя холма, добралась до рощи на самой вершине. Здесь она с любопытством походила среди деревьев и обнаружила нечто похожее на логово бродяги в яме, оставшейся от выкорчеванного когда-то дерева. Тут было кострище, пара ржавых консервных банок, не открытых, но со всех сторон помятых, словно их бросали об деревья, два здоровых ломтя совершенно заплесневевшего хлеба и куча сухих листьев, видимо, служившая постелью.

Хотя древняя британская дорога, как полагали, поднималась по холму и сбегала вниз с другой его стороны, миссис Брэдли посчитала маловероятным, чтобы современный бродяга потратил усилия на такой маршрут, ведь теперь дороги шли во всех направлениях вокруг основания холма. Она заинтересовалась свидетельствами присутствия человека, особенно потому, что на остатки пикника они не ходили.

Она поворошила в яме ногой и нашла старую коричневую сандалию. Миссис Брэдли так заинтересовалась этим предметом, что продолжила осмотр местности. Она почувствовала, что Конни за ней наблюдает, и, предусмотрительно забросав сандалию листьями, зашагала к кустам, когда показалась Конни.

– Я все-таки решила подняться! – запыхавшись, сказала девушка. – Есть тут что-нибудь интересное?

Недалеко от них в дерне был вырезан лабиринт – миссис Брэдли показала его Конни, и они покинули рощицу, выйдя на открытое место. С этим лабиринтом было связано много легенд. Миссис Брэдли пересказала их, и в целом они приятно провели время.

– Помни, про обмен комнатами ни слова, – сказала миссис Брэдли, когда они спускались по тропинке с другой стороны холма. Они вышли на Твайфорд-Даун и пересекли поле для гольфа.

– Уж я-то ничего не скажу! Они решат, что я спятила, – ответила Конни. – Наверное, горничную лучше предупредить, но она вряд ли об этом кому-нибудь упомянет, а если и так, то лишь тете Присси, а я и не против, если она узнает. Это я из-за тех двоих, особенно из-за дяди Эдриса. Я действительно боюсь этого человека.

– Я бы не стала никому говорить и уверена, что с горничной мы этот вопрос уладим. Давай не станем никого посвящать в это дело, – предложила миссис Брэдли. – Но почему ты боишься мистера Тидсона?

Как она и ожидала, ответа на этот вопрос не было.

– Не знаю, – призналась Конни, – но я боюсь.

По пешеходной дорожке они пересекли поле для гольфа и вышли к объездной дороге, затем пошли по тропинке вдоль бечевника, параллельно которому, по другую сторону от железной дороги, пролегла часть старого канала. Конни возглавляла шествие. Внезапно, когда впереди показалась плотина, девушка обернулась и сказала:

– Вы говорили, что хотите физических нагрузок! Давайте побежим!

И с этими словами она помчалась, как Аталанта²², но прочь от чего она бежала, миссис Брэдли понять не смогла.

История Конни о призраке заинтриговала миссис Брэдли. И она не очень удивилась, когда следующее известие о потустороннем госте поступило от Крит Тидсон, когда компания в полном сборе сидела за столиком в саду.

– Говорят, что в этом доме водятся привидения. Думаю, мне больше не следует сюда приезжать.

– Почему это? – резко спросила мисс Кармоди. – Призрак еще никогда никого не обидел. Что касается меня, я бы очень хотела увидеть привидение. Что скажешь, Конни?

Конни невесело рассмеялась и сказала, что, наверное, это может быть интересно.

– Действительно очень занятно. – Мистер Тидсон размахивал бутербродом со сливочным маслом. – Чрезвычайно. Но я не понимаю, почему вы говорите, что призрак еще никогда никого не обидел! А как же тот, с Беркли-сквер?²³ И на Канарах мы слышали рассказы о вулканических существах – громадных, расплывчатых созданиях, выходящих из гор, – которые, как считается, способны сводить людей с ума.

– Правда? – заинтересовалась миссис Брэдли. – Я несколько раз отдыхала на Канарах, но никогда не слышала подобной истории.

– Возможно, не слышали. Но жить там – совсем не то, что просто отдыхать. Могу рассказать вам из собственного опыта...

– Ешь свой хлеб с маслом, Эдрис, или хотя бы перестань им размахивать, – потребовала Крит. – В твоём опыте нет совершенно ничего исключительного, и я ни на секунду не могу предположить, что кто-то хочет о нем услышать.

– Я скажу вам, чего кто-то действительно хочет, – вмешалась Конни, которая больше всего на свете желала сменить тему разговора, – и этот кто-то – я. Я очень хочу осмотреть колледж.

– Да, обязательно, – согласилась мисс Кармоди. – Мы не должны забывать, что там учится юный Артур Прис-Гарвард. И хотя сейчас он на каникулах...

– Ей-богу, да! – вскричал мистер Тидсон, ставя чашку под предостерегающий возглас жены. – Артур Прис-Гарвард! Я совершенно о нем позабыл! Я непременно должен посетить колледж. Но не завтра, Конни, моя дорогая. Я иду по горячим следам моей нимфы, и все остальное должно подождать, а то, боюсь, след остынет.

– Мне кажется, что я как-нибудь должна пойти с вами на охоту на нимфу, – серьезно заявила миссис Брэдли. – Нельзя пропустить такое волнующее развлечение.

К ее удивлению, мистер Тидсон согласился с большим энтузиазмом.

– Я буду только рад! Рад! Рад! – восклицал он. – О да, прошу, пойдёмте! Эти скептики, – он взмахом руки указал на жену, Конни и мисс Кармоди, – совершенно меня обескураживают. Если бы я был чувствительным человеком, то впал бы в уныние.

---

²² Героиня древнегреческой мифологии, знаменитая красотой и быстротой бега; предлагала соискателям своей руки состязание в этом виде спорта. – *Примеч. перев.*

²³ Дом номер 50 на лондонской Беркли-сквер, в котором за несколько веков погибло множество людей, в том числе по непонятным причинам, и где до сих пор, по свидетельству очевидцев, орудуют привидения. – *Примеч. перев.*

– Что ж, хвала небесам, что ты, стало быть, не чувствительный человек, – сказала Крит. – Тебе не кажется, что со стороны миссис Брэдли очень любезно проявить интерес к твоей глупой нимфе?

– Я знаю, что мисс Брэдли очень добра, – возразил мистер Тидсон. – Кроме того, она человек разумный и без предрассудков. Приятно найти кого-то еще столь проникательного, и я с огромным нетерпением ожидаю прогулки в ее обществе.

Миссис Брэдли, крайне озадаченная его реакцией, поскольку предполагала, что меньше всего на свете мистер Тидсон желал бы присутствия других людей во время своих вылазок, тоже предвкушала прогулку.

По просьбе мистера Тидсона они вышли сразу же после чая, в то время, когда город кишел людьми, а вдоль реки между Уинчестером и Сент-Кроссом прохаживалось множество туристов.

– Где вы думаете найти ее сегодня? – оживленно спросила миссис Брэдли, словно их экспедиция была обычным делом.

– Еще посмотрим. Я пока еще не обнаружил, где она скрывается, но, пожалуй, сегодня мне следует спрятаться в укрытии и дать ей возможность появиться.

– Разве ранний вечер – подходящее время? По-моему, все эти люди – в особенности маленькие мальчики – наверняка ее отпугнут.

– О, думаю, маленькие мальчики ей нравятся, – не согласился мистер Тидсон. – Вот эти, например, милые детки. Возможно, им грозит опасность. Никогда не знаешь.

Он улыбнулся проходившим мимо мальчишкам.

Миновав игровые поля Уинчестерского колледжа, река бежала вдоль стены сада, а после пересекала дорогу широким и глубоким руслом, похожим на небольшой пруд. Мальчики шлепали по воде, запускали кораблики, тыкали в дно ветками ивы, собирали пескарей в банки из-под джема – развлекались и наслаждались, пока сияло солнце и не угас свет долгого летнего дня.

– Как вы знаете, у нас с Крит нет детей, – сказал мистер Тидсон.

– А вы любите детей? – поинтересовалась миссис Брэдли, принаравливаясь идти в ногу рядом с ним, они уже оставили позади последний из ряда маленьких домишек.

– Детей все любят; я, возможно, чуть более, чем большинство людей.

– Как, по-вашему, получилось, что Бобби Грир утонул? – спросила миссис Брэдли, переполняемая жуткими теориями мисс Кармоди и страстно желающая их проверить.

– Не думаю, что он утонул.

– Речная нимфа? – Она пристально на него посмотрела. – Я, знаете ли, не верю ни единому слову об этом.

– В данном случае я и сам этому не верю, – признался мистер Тидсон и отбросил носком ботинка камешек с дороги. – Думаю, здесь совершилось какое-то злодейство. Не спрашивайте какое. Сказать мне, разумеется, нечего, но мое мнение, полагаю, совпадает с вашим, и у меня есть свои причины так думать. Здесь может быть нимфа. Думаю, может. Она может топить маленьких мальчиков. Думаю, что она это делает. Но я не думаю, что она утопила маленького Гира.

– Правда? А что же тогда вы думаете?

– Главное, о ком я думаю, – несколько таинственно заявил мистер Тидсон. – О подавляющих свои желания старых девах, мономаньяках²⁴, сексуальных маньяках, о людях, устранивающих массовую резню... о водителях грузовиков... о добрых людях с мерзкими пакети-

---

²⁴ Большой мономанией, навязчивой увлеченностью одной идеей или субъектом.

ками конфет и крыжовника. Знаете, ярмарка гоблинов²⁵. Я думаю обо всех них, но в основном, конечно, о старых девах.

– Правда? – Миссис Брэдли была ошеломлена.

– Очень, очень печально, – продолжал мистер Тидсон. – Когда человек бок о бок живет с одной из них, понимаете, он начинает разделять ее точку зрения. Очень странные вещи – подавленные желания. Шарлотта Корде²⁶ и так далее. – Он покачал головой, внезапно остановился и посмотрел на небо, а потом с некоторой резкостью произнес: – У меня нет настроения искать нимфу. Я иду домой.

---

²⁵ Аллюзия на стихотворение К. Россетти.

²⁶ Французская дворянка, убийца одного из лидеров якобинцев Жана-Поля Марата. Была девственницей.

Глава 7

Возьмите две унции коры хинного дерева, замочите ее в ключевой воде...

Миссис Сара Харрисон из Девоншира. Карманная книга домохозяйки и т. д.

Неожиданные взгляды мистера Тидсона вызвали у миссис Брэдли именно такой интерес, какого он мог пожелать, если бы действительно намеревался ее заинтересовать. Однако она не выдала своих чувств, хотя заставила мистера Тидсона вздрогнуть, издав короткий, хриплый смешок.

– Жаль сразу возвращаться домой. А что, если мы немного познакомимся с достопримечательностями? Как насчет собора?

– Нет, если вы не против. Если уж мы хотим еще подышать, давайте совершим славную долгую прогулку, чтобы за это время позабыть все то, что я наговорил. Мне кажется, вы понимаете, что я не имел в виду ничего определенного. Просто человек видит, что видит, слышит, что слышит, и понимает в пределах того понимания, которым наделило его всемогущее Провидение.

– А что вы под этим имеете в виду? – спросила миссис Брэдли.

Мистер Тидсон взмахнул пухлой рукой.

– Живи и давай жить другим! – ответил он. – А теперь совершим по-настоящему долгую прогулку. Эмоции рассеются от движения.

Миссис Брэдли была поражена такой переменной планов, и ей стало интересно, что, по мнению мистера Тидсона, представляет собой долгая прогулка. Он повернул налево, и они дошли до объездной дороги и стали подниматься на холм Сент-Кэтрин.

Миссис Брэдли ничего не сказала. Лишь удлинила шаг и очень скоро с удовлетворением услышала, как ее спутник начал пыхтеть и отдуваться. Она улыбнулась и перешла почти на бег на небольшом отрезке дернистого склона, где он еще круче поднимался к земляным укреплениям.

Вскоре она значительно опередила мистера Тидсона. Достигнув опушки рощицы, миссис Брэдли остановилась и подождала, пока он ее догонит. Он дулся и бросал сердитые взгляды, как злой мальчишка, но миссис Брэдли эта демонстрация чувств ничуть не взволновала. Она подняла худую руку и указала вниз, на заливные луга и участки земли, разделенные протоками и ручьями.

– Полагаю, вы захватили бинокль? – осведомилась она. – Иначе вряд ли вы разглядите ее отсюда.

– Кого разгляжу? Вы о нимфе? – Дурное настроение мистера Тидсона улетучилось. – Похоже, – добавил он, доставая носовой платок и вытирая лицо, – что она интересуется вас так же, как меня! Признайтесь, ну же! Интересует!

– Весьма интересуется, – многозначительно проговорила миссис Брэдли. – Но я все еще не убеждена, что верю в нее, несмотря на все ваши доводы.

– Правда? – встревожился мистер Тидсон. – Я действительно считаю, что вам, знаете ли, лучше поверить. Вы должны постараться забыть, что я наговорил сегодня днем. Я всецело верю в свою нимфу и вам настоятельно рекомендую сделать то же самое.

– Возможно, это упростит дело, – согласилась миссис Брэдли. – Но что это я вижу, рядом со старым каналом?

– Где? Где?

– Вон там, смотрите! Слева от вас. По-моему, там что-то происходит. Рядом с железнодорожным знаком. Смотрите!

– Я ничего не вижу, – капризно сказал мистер Тидсон. Но миссис Брэдли заметила, что он сильно побледнел, а его пухлые щеки затряслись. – Мы можем вернуться той дорогой, если хотите, но вы, должно быть, ошиблись. Это... эти участки – частные владения. Мы не сможем туда попасть, даже если и спустимся туда. Я в этом уверен.

– Мне бы все же хотелось пройти там.

Она пустилась вниз теми же гигантскими шагами, какими поднималась на холм. Мистер Тидсон ворчал, оступался и поскальзывался, а потом выругался на ломаном испанском, к которому прибегал, когда бывал чем-то недоволен. Наконец он оставил всякие попытки не отстать от своей спутницы и нагнал миссис Брэдли уже внизу, где она поджидала его на заросшей и грязной тропинке, которая вела под арку железной дороги у подножия холма.

Возвращались они вдоль реки, но что бы там ни увидела миссис Брэдли с вершины холма, это не оставило и следа, и дорога домой оказалась лишенной всякого интереса.

– Сегодня вечером я еще выйду один, – пообещал мистер Тидсон.

– Боюсь, я не очень-то нравлюсь вашему родственнику, – заметила позднее миссис Брэдли в разговоре с мисс Кармоди. – Я, пожалуй, уйду наверх пораньше, чтобы не путаться у него под ногами.

Она и Конни уже поменялись комнатами, и миссис Брэдли, потратившая некоторое время на изучение номера двадцать девять, полагала, что у него есть некоторый призрачный потенциал, так сказать.

Почти квадратное окно эпохи Тюдоров выходило на боковой вход в гостиницу, а большой открытый камин, казалось, повествовал об укрытиях для священников и о дымоходе с длинной и занимательной историей. Под скамьей у окна стоял ящик, еще в комнате был массивный и мрачный буфет.

Миссис Брэдли закрыла окно, заперла дверь, сняла юбку и туфли и, засунув голову в широкое отверстие дымохода и освещая фонариком почерневшую кирпичную кладку, вскоре обнаружила в трубе скобы.

Она положила фонарик на каминную решетку так, чтобы не наступить на него при возвращении, прислушалась к происходящему за дверью, приставила к буфету кресло, положила свой самый тяжелый чемодан, со всем содержимым, на скамью у окна, а затем полезла в дымоход.

На полпути вверх она, как и ожидала, увидела, что попасть на крышу легко, так как труба была прямой и без металлического колпака сверху.

Крыша здесь была плоской. Перед миссис Брэдли торчала еще одна широкая дымовая труба. Она подошла к ней или, лучше сказать, почти подползла, надеясь, что ее не заметят снизу из сада. Кроме того, миссис Брэдли смертельно боялась, что ее увидят из окна какого-нибудь номера. Однако к этому времени практически совсем стемнело – труба походила на огромную дыру, – поэтому миссис Брэдли надеялась остаться незамеченной.

Ей понадобилось около десяти минут, чтобы найти потайную дверь на внешней стороне второй трубы. Дверь была замаскирована под кирпичную кладку, и прежде чем миссис Брэдли смогла обнаружить, какая из сторон железная, и открыть дверь, ей пришлось обследовать всю трубу.

Наконец ей это удалось. Дверь была на шарнирах и, качнувшись, пропустила ее на темную лестницу с очень узкими ступеньками. Миссис Брэдли спустилась в отель и скоро оказалась в маленькой квадратной комнате. Высоты в ней было шесть футов²⁷, а площадь составляла

---

²⁷ 6 футов – ок. 1,8 м.

приблизительно восемь футов на семь²⁸. Оставалось узнать, как попасть из этой искусно спрятанной каморки в один из номеров или на главную лестницу.

Миссис Брэдли снова прислушалась, но не услышала ни звука. Она закрыла за собой верхнюю дверь и, осторожно осяпав стены, обнаружила, что скрытая пружина открывает доступ не в гостиничный номер или на главную лестницу, а в другую потайную комнату для священника – прозаический шкаф для белья, про который она рассказывала Конни. Идея потайной комнаты для священника с целью скрыть другую комнату показалась миссис Брэдли разумной, и она пожалела, что не может ни с кем поделиться своим открытием.

Однако, поскольку призрак пристрастился к прогулкам, лучше будет, подумала миссис Брэдли, сохранить в секрете пути, по которым он может приходиться. Она подождет развития событий, решила миссис Брэдли, прежде чем доверится кому-то.

Она не стала раздеваться и некоторое время сидела у окна, вглядываясь в темноту и чутко прислушиваясь к звукам. А их было много. Из сада доносились разговоры, смех и, кажется, ссора между Крит и Эдрисом Тидсонами. Со стороны Хай-стрит, в небольшом отдалении, слышался шум транспорта, а полчаса спустя грянуло разухабистое пение мужчин, выдворенных из паба в начале тихой улочки.

Постепенно все звуки стихли, но миссис Брэдли продолжала сидеть в приятной темноте. Ночь была теплой, и миссис Брэдли приподняла раму окна. Пожилая леди уловила момент, когда в общих комнатах отеля потушили лампы – с газона исчезли прямоугольники света. Она увидела, как один за другим погасли огни в застекленном коридоре, ведущем в пристройку, когда вдалеке часы проббили четверть двенадцатого и Томас совершил свой торжественный ночной обход – старейшина-пресвитерианин, призывающий свой дом отойти ко сну.

Миссис Брэдли не двигалась с места. Кругом царили тишина и тьма. Она напрягла слух. Наконец раздался звук, которого она ждала. Миссис Брэдли бесшумно встала, на цыпочках прокралась к вешалке для полотенец, которую отодвинула на несколько дюймов²⁹ от стены, и тихонько протиснулась за нее. Она заблаговременно надела черное платье, широкое и не стеснявшее движений. Она присела на корточки, так что лишь ее макушка и глаза торчали над выбранным ею прикрытием, и, преисполнившись мрачного терпения, стала ждать, наблюдая за дымоходом.

Призрак, однако, выскользнул из чулана, служившего в номере гардеробом. Ему пришлось приоткрыть дверцу, действие, характерное для человека, отметила миссис Брэдли, и это придало ей уверенности. Попав в комнату, призрак без колебания направился к кровати, над которой и навис, производя слабые мяукающие звуки, скорее как котенок, а не кошка. Призрак был белым и высоким, но в движениях его не было ничего угрожающего. Миссис Брэдли бросилась вперед. Вешалка упала со стуком, приглушенным полотенцами, но это произвело достаточно шума, чтобы напугать призрака, который обернулся, взметнув свои одежды.

Миссис Брэдли схватила с умывальника кусок мыла и со всей силы запустила в привидение, но тот оказался влажным и просто выскользнул, когда она разжала пальцы. Она схватила щеточку для ногтей и бросила ее. Послышался негромкий вскрик, когда снаряд попал в цель, и в следующий миг призрак исчез, пройдя, очевидно, сквозь стену комнаты.

Миссис Брэдли вышла из-за вешалки для полотенец. Прикрыла окно и задернула штору. Потом включила свет и следующие два часа потратила на обшаривание и простукивание каждого уголка комнаты. В конце концов она сдалась, так как задачу эту легче было выполнить при свете дня, чем при слабом освещении от лампы на туалетном столике и прикроватного бра. Миссис Брэдли легла в кровать и крепко уснула.

На следующее утро она нашла мисс Кармоди.

---

²⁸ 8 футов – ок. 2,44 м; ок. 7 футов – 2,13 м.

²⁹ 1 дюйм – ок. 2,5 см.

– Пусть мистер Тидсон поохотится в одиночку, – сказала она, – а мы с вами возьмем Конни и съездим в Борнмут. Почему бы нет?

– Странновато я буду выглядеть в Борнмуте, – ответила мисс Кармоди. – Прошлой ночью я искала в темноте выключатель и ударила об угол двери. Только посмотрите на мой глаз! Люди подумают, что я дралась!

Миссис Брэдли не в состоянии была отвести замороженный взгляд от смущенного лица мисс Кармоди с первого момента их встречи, и ее порадовало это откровенное упоминание о большом примечательном синяке.

– Интересно, что вы такое делали? Удар пришелся не совсем по глазу. Больше сбоку. Думаю, в Борнмуте на него обратят не больше внимания, чем здесь. Но – вам решать.

– О, я больше всего на свете хочу побывать в Борнмуте! – воскликнула мисс Кармоди. – Давайте найдем Конни и предложим ей. Она, наверное, все еще у себя в номере. Честно говоря, мне кажется, что Борнмут – самое спокойное место! Там никто не станет донимать меня вопросами!

Две дамы сидели в саду. Завтрак длился уже час, и миссис Брэдли успела съесть тост и выпить кофе. Мисс Кармоди обычно ждала Крит и мистера Тидсона, а иногда и Конни, которая, подобно почти всем девушкам ее возраста, либо вставала еще до шести часов, либо крепко спала до десяти, если кто-нибудь ее не будил.

Отнюдь не желая, чтобы мисс Кармоди так скоро узнала об их с Конни обмене комнатами, миссис Брэдли начала придумывать предлог, чтобы удержать ее рядом, и обрадовалась, увидев идущую к ним с застекленной террасы Крит. Когда та приблизилась, дамы обрушили на нее град вопросов, поскольку, как и у мисс Кармоди, на лице Крит, как раз между бровью и виском, красовался синяк любопытного оттенка.

– О да, я сделала глупость. Споткнулась о коврик в ванной и ударила головой об эту дурацкую полочку под зеркалом.

– Да?.. – отозвалась миссис Брэдли, чрезвычайно заинтригованная этим откровением.

Но уже подоспел новый материал для размышлений, когда они встретили в холле мистера Тидсона.

– Святые небеса! – вскричала мисс Кармоди. – У вас тоже синяк?

Мистер Тидсон осторожно потрогал отметину на краю скулы.

– Это мне Крит поставила, – с вполне естественным раздражением ответил он. – Я попросил ее передать кольдкрем³⁰ из ее комнаты в мою. Вместо того чтобы подать, она бросила его – прямо-таки швырнула – в ту сторону, где стоял я, полагая, как она сказала, что я должен его поймать.

– Надеюсь, она извинилась, – серьезно сказала миссис Брэдли и вплотную подошла к мистеру Тидсону, осматривая его синяк.

– Ну? – спросил он, возмущенно отстраняясь.

Миссис Брэдли хихикнула. Мистер Тидсон уже собрался высказать одно из своих едких замечаний, когда до него дошло, что лица мисс Кармоди и его жены украшены синяками, не слишком отличающимися от его собственного. Выражение его лица, когда он сделал это открытие, доставило миссис Брэдли огромное удовольствие. Она проводила взглядом чету Тидсонов, идущую на завтрак в сопровождении мисс Кармоди, а затем просмотрела письма, лежавшие прямо на столе в холле, поскольку стойки с ячейками для писем в «Домусе» не было.

– Для вас ничего, – сообщил остановившийся рядом Томас.

– Я не огорчаюсь. Скажите мне, бывали у вас жалобы от постояльцев, что они поскользнулись и поранились в этом отеле?

---

³⁰ Кольдкрем – изобретенная в Англии белая мазь из миндального масла, спермацета и белого воска. Используется против наружных воспалений и для смягчения кожи.

Томас не спеша обдумал вопрос.

– Ну, – осторожно начал он, – был сэр Уильям, который поскользнулся на мыле в двадцать пятом году, и еще один жулик по имени Уэмисс, думаю, в тридцать втором, его спустил с лестницы профессор из Гарвардского университета. Больше никого не помню.

– Странно! Мисс Кармоди, мистер и миссис Тидсон – они все получили травмы нынешней ночью или сегодня утром. Вы заметили их синяки?

Томас прищелкнул языком, но скорее без слов выражая неодобрение их неосторожностью, нежели сожаление по поводу несчастных случаев, решила миссис Брэдли. Она отправилась на поиски Джорджа, своего шофера, и, вернувшись в отель, столкнулась лицом к лицу с Конни Кармоди, которая спускалась по лестнице. Конни прикрывала ладонью глаз. Она убрала руку, чтобы показать уже побагровевшую припухлость. Миссис Брэдли могла бы воскликнуть «Эврика!», но сдержалась.

К десяти часам мисс Кармоди и Конни были готовы, и ко времени ланча компания уже сидела в гостинице на набережной Борнмута и всюду наслаждалась желтым песком, сверкающим морем, пенными гребешками волн, скалами, целебным воздухом и всем остальным, что может предложить король морских курортов.

Когда ланч закончился, Конни отправилась в небольшой монастырь в Крайстчерче, обронив, что вернется в Борнмут ко времени купания перед чаем, и две пожилые дамы, оставшись одни, разместились в шезлонгах на пляже. Они лениво переговаривались и еще более лениво вязали и бесконечно наслаждались отдыхом у моря. Это был идеальный день. По набережной прогуливались туристы, воздух был теплым, играл оркестр; и, пожелай они, нашлось бы время и подремать.

Миссис Брэдли, которая равнодушно относилась к дневному сну и возражала против нестерпимой жары ничуть не больше ящерицы, смотрела на море и тщательно обдумывала тему призрака и синяков. Мисс Кармоди, оставив и вязание, и беседу, вскоре задремала.

Конни вернулась без четверти четыре и разбудила мисс Кармоди, занявшись поисками своих купальных принадлежностей в сумке у тетки. Когда она вошла в воду и никто уже не смог бы отличить ее от других купальщиков, разве что любящий и верный взгляд, миссис Брэдли спросила у мисс Кармоди:

– Конни получит что-нибудь по вашему завещанию?

– О да, конечно! – открыла глаза мисс Кармоди.

– А мистер Тидсон?

– Эдрис?

– Да. У меня есть причины спрашивать.

– О, Эдрис ничего от меня не получает.

– Он об этом знает?

– Да. Я это ясно дала понять, когда они приехали. Между прочим, он меня спросил. В это с трудом можно поверить, правда?

Миссис Брэдли, которая начинала думать, что поверит чему угодно, хорошему или плохому, в отношении мистера Тидсона, на вопрос не ответила.

– Я хочу окончательно разобраться. Я правильно понимаю, что мистер Тидсон ни под каким видом не упоминается в вашем завещании?

– Вы имеете в виду, что Конни... если что-нибудь случится с Конни?

– Именно это я имею в виду.

– Если что-нибудь случится с Конни, до или после моей смерти, деньги пойдут на благотворительность. В любом случае их, знаете, немного. Но почему вы спрашиваете?

– Да, я знаю, что такие расспросы в лоб, должно быть, озадачивают, но в конечном счете ведь это вы вызвали меня в Уинчестер, верно?

– И как я рада, что сделала это! – с жаром откликнулась мисс Кармоди. – Надеюсь, вы не полагаете, что Эдрис опасен для Конни?

– Не могу сказать, что имею в виду именно это. Но я подумала, что стоит узнать, чего он может ожидать от вас, вот и все.

– Как бы я хотела избавиться от них обоих! – воскликнула мисс Кармоди. – Содержать их все это время – поистине слишком большая нагрузка на мои средства! Но я не знаю, как заставить их уехать! А ради Конни... О боже! Я бы с радостью от них избавилась!

– Возможно, мы найдем способ. Под «ними обоими» вы, разумеется, подразумеваете мистера и миссис Тидсон, а не мистера Тидсона и Конни.

– Конни и так скоро меня покинет, – с сухим, обиженным смешком проговорила мисс Кармоди. – Конни приняла решение, как вы наверняка должны были понять по ее словам, покинуть меня, как только сможет. Я в самом деле не понимаю ее.

– Что ж, дети всегда дети, – снисходительно сказала миссис Брэдли, – а часть детскости состоит в том, что дети притворяются, будто взрослеют. Вы же не позволите этому волновать вас? А что будет, когда она выйдет замуж? Тогда уж вы в любом случае ее потеряете.

– Не знаю, сможет ли она так уж легко выйти замуж. Вы считаете ее привлекательной? Знаете, я вряд ли бы назвала ее такой, если бы не стала ей приемной матерью.

– Не знаю, привлекательна ли она, – ответила миссис Брэдли. – Она очень молода. Мне интересны все молодые люди, и я очень сочувствую почти всем из них.

– Для сочувствия Конни есть весомая причина. Она пережила столько неприятностей, которые, боюсь, наложили глубокий отпечаток. Испортили ее характер. Она весьма раздражительна и эгоистична. Однако мне бы не хотелось жить без нее, и я надеюсь, что ей скоро надоеет приключение по устройству самостоятельной жизни и она вернется жить ко мне в квартиру. Конечно, Эдрис и Крит – это проблема. Нельзя ожидать, что она их полюбит, но, как я и говорила, я не знаю, как от них избавиться. Эдрис – совершенно бессовестный человек, и тайны для него – не тайны.

Миссис Брэдли воздержалась от советов, только сказала:

– Если бы мне пришлось выбирать между ними и Конни, думаю, я знаю, как поступила бы, и простите, что говорю это, но мне кажется, вам следовало прояснить это с самого начала.

– Да, – согласилась мисс Кармоди. – Когда так рассказываешь, это звучит очень просто, но знаете, миссис Брэдли, не так-то легко выставить людей, особенно когда они твои родственники и решили, что хотят остаться. И я боюсь Эдриса. Он странная личность – эта история с наядой, например, – и, конечно, это он утопил того мальчика. В этом у меня нет никаких сомнений. Но, с другой стороны, он так долго прожил за границей, что его взгляды могут отличаться от наших.

– Вы имеете в виду его взгляды на мораль? – уточнила миссис Брэдли.

– Да, я его не понимаю. И Крит, как вы знаете, наполовину гречанка... на худшую половину.

– На худшую половину?

– Ее отец был грек. Для меня это имеет большое значение. Я всегда считаю, что можно изжить в себе мать-иностранку, но не иностранца-отца.

Миссис Брэдли изобразила интерес к такому мнению, и они некоторое время его обсуждали. За оживленной беседой о наследственности Тидсоны и Конни были позабыты, и мисс Кармоди, заметив, что племянница вышла из воды и идет по пляжу к ним, с удивлениемглянула на часы, обнаружив, что они провели здесь уже больше часа.

– Разве можно оставаться в воде так долго, дорогая? – поинтересовалась она, когда Конни, в раздельном купальном костюме, который доводил ее тетку едва ли не до бешенства, но право на который девушка давным-давно отстояла, подошла к ним, раскрасневшаяся после купания, розовая, как раковина.

– Я заходила и выходила несколько раз. Теперь я оденусь. Как насчет чая?

– Как только будешь готова, дорогая. Разотрись досуха, чтобы не заработать ревматизм.

– Сейчас она выглядит вполне привлекательной, – заметила миссис Брэдли, когда Конни, высокая и хорошо сложенная, прошла к кабинке для переодевания и исчезла внутри.

– Да, действительно, – согласилась мисс Кармоди. – Я, похоже, понимаю, почему Венера так благоразумно вышла из моря.

Миссис Брэдли не отреагировала на эту реплику, но невольно вспомнила странный всплеск мистера Тидсона против старых дев, мономаньяков и викариев. Башня из слоновой кости могла быть выстроена со вкусом и украшена мягким эдвардианским узором, но ее внутренние тайны оставались, как видно, такими же.

Джордж забрал их сразу после шести. Полчаса они провели в Уимборнской церкви, а поездка домой через Нью-Форест стала приятным завершением дня. Возвращались они через Рингвуд до Фордингбриджа, а оттуда через Ромси до Уинчестера.

Ко времени их возвращения Тидсоны закончили ужин и наслаждались кофе в гостиной: мистер Тидсон – за вечерней газетой, Крит – со своим вышиванием; в той вежливой разобщенности, которая, как заметила миссис Брэдли, когда Конни отпустила несдержанную реплику на сей счет, является признаком удачной пары среднего возраста.

То, что ее объяснение ни на йоту не было более тактичным, чем замечание Конни, очень ясно дала понять Крит, которая, услышав, что о ней говорят как об особе среднего возраста – явная клевета, – устремила на них обеих мрачный, суровый взгляд, полный жгучей ненависти, и вернулась к рукоделию. Между виском и левой бровью у нее по-прежнему виднелся изжелта-черный синяк диаметром с дюйм, слабый отголосок весьма впечатляющего синяка мистера Тидсона. Покинув эту таинственно невезучую четверку, миссис Брэдли скрылась в своей комнате. Она заперла ее этим утром и отпирала, только чтобы вымыть руки перед ужином. Теперь она снова ее открыла, а войдя внутрь, опять повернула ключ в замке.

Затем убедилась, что окно прочно закрыто, и принялась осматривать внутренность гардероба-буфета.

Скоро она нашла кнопку; задняя стенка буфета отъехала в сторону, и перед миссис Брэдли открылся проход.

Едва ли нужно было его обследовать, она и так могла вычислить, куда он ведет. И все же, чтобы застраховать себя от любых неожиданностей, она по нему прошла. Он привел в бомбоубежище, и вполне можно было предположить, что Конни и мисс Кармоди могли о нем знать, но Тидсоны – вряд ли. Требовалось найти второй проход. Она простукивала и нажимала на стены еще минут двадцать или больше, полагая, что проход открывается где-то между туалетным столиком и тем краем камина, который был ближе к окну. Эта часть комнаты представляла собой широкую нишу глубиной в выступ дымохода, а площадь стены составляла по меньшей мере сто квадратных футов³¹, половину которой можно было отбросить из-за слишком высокого расположения. Еще почти четверть не подходила из-за стоявшего там туалетного столика.

Таким образом, предстояло исследовать около тридцати квадратных футов³² в нижней части стены. Миссис Брэдли испробовала все известные ей уловки и те, о которых она когда-либо читала, но очень долго все было напрасно. Затем, как это часто случается в деле раскрытия тайн, она прислонилась к стене, чтобы дать отдых заболевшей спине, и немедленно оказалась в тайном – или не столь тайном – проходе.

Он вел в бомбоубежище и шел параллельно проходу из гардероба-буфета. Это был переоборудованный старый коридор. Миссис Брэдли несла вахту всю ночь, но никто ее не потре-

³¹ 100 футов – ок. 30,5 м.

³² 30 квадратных футов – ок. 9 м².

вожил. На следующее утро, переговорив с руководством отеля, она добилась того, что рабочие заложили оба прохода, которые вели из бомбоубежища в ее номер.

«Тот, кто придет теперь, сможет пробраться только через дымоход», – подумала миссис Брэдли. Мысль эта принесла ей огромное удовлетворение. Она посчитала крайне маловероятным, чтобы Тидсоны или Кармоди знали о таком пути.

– Да, обычно мы уведомляли наших гостей о проходе через один из номеров на каждом этаже, если они не хотели бежать в бомбоубежище через лужайку, – объяснила управляющая. – Разумеется, в наших краях и речи не было об авианалетах, но мы все же иногда получали предупреждения, а зимой, должна сказать, гости были очень благодарны, что им не приходится выходить из дома, чтобы попасть в укрытие. Однако мы крайне озабочены, чтобы теперь, когда война окончена, никого не беспокоили. Нам явно следовало заделать эти проходы раньше.

Миссис Брэдли согласилась, что в любой хорошо управляемой гостинице удобство гостей стоит на первом месте, и замечательно крепко спала в ту ночь, так как в камине была сооружена сложная западня, дабы предотвратить вторжение призрака. Перед тем как уснуть, миссис Брэдли снова размышляла о синяках Кармоди и Тидсонов. И пришла на этот счет к вполне определенному выводу.

Глава 8

Если на поверхности появляется любого рода мягкий участок или повреждение, проверьте, насколько глубоко он уходит, ибо большая часть может оказаться внутри.

Миссис Сара Харрисон. Карманная книга домохозяйки и т. д.

Второй по величине морской порт Англии и крупнейший рынок хлопка в Европе поначалу показался Лоре Мензис грязным, перенаселенным, скучным и до невозможности запутанным. Тем не менее она отнеслась к делу как к приключению, что было характерно для ее мировоззрения, а гостиница и Китти в равной мере примирили ее с серостью атмосферы, которая, казалось, состояла из равных частей мелкого дождя и сажи.

– Ну, Ищейка, не понимаю, чего ради тебе вздумалось тащить меня сюда, – без обиняков заявила Китти.

– Как я говорила тебе, юная К., ради того, чтобы поднять уровень твоего образования и дать пищу для размышления, – ответила Лора, проводя ревизию сэндвичей, которыми запаслась перед тем, как расположиться на отдых, и выбирая самый большой. – Кормежка, во всяком случае, нормальная. Чем ты недовольна? Разве ты не хочешь помочь тете Лоре?

– Да, если б я знала, что ты затеяла. Но я не знаю. Что это за сказки про речную нимфу? Это немного напоминает мне Пикассо.

– О господи! Ты видела ту выставку Пикассо?

– Да, видела. И вот что я скажу тебе, Ищейка. Несколько работ вдохновили меня на новую прическу.

– Не та ли фотография, где он сам позирует в образе моряка Попя?

– Одна из «Женщин в сером». И та, в шляпе в виде рыбы.

– Если так, желаю успеха. Но речная нимфа, К., новая убийца миссис Крокодилицы. Она считает, что та уже кого-то убила и последствия не замедлят сказаться.

– Но это же в Уинчестере, ты говорила. Ливерпуль-то тут с какого боку?

– Имей терпение, голубушка, и я объясню. Похоже, что речную нимфу финансирует довольно странный тип, наподобие мистера Пима³³, которого зовут... Ой, ладно, это неважно.

– Как зовут? – спросила Китти, которая предпочитала, чтобы повествование было завершённым, а персонажи – названы.

– Ну тогда мистер Тидсон.

– Знала я одного Тидсона, – сказала Китти. – Или это был Маккаллахан? Во всяком случае, он женат на китайке и унаследовал курильню опиума.

– Ой, умолкни!

– Прости. Давай продолжай. Но знаешь, Ищейка, словесные ассоциации у меня очень развитые. Вот почему я преуспеваю в своей работе.

– Ясное дело, развитые, если Тидсон напоминает тебе Маккаллахана. Итак, этот Тидсон прочитал в газете о наяде, проглотил историю, не жуя, и настоял на том, чтобы поехать в Уинчестер, где он мог бы увидеть это жуткое существо.

– Каким образом тут возникла миссис Крок?

– Ну родственница этого Тидсона забеспокоилась и попросила миссис Крок выяснить, с приветом он или нет и опасен ли он или только дурак.

– Понятно, продолжай. При чем тут Ливерпуль?.. И когда ты закончишь перебирать сэндвичи и вынимать из них начинку, я, пожалуй, съем один.

³³ Мистер Пим – герой романа английского писателя А. А. Милна «Мистер Пим проходит мимо». – *Примеч. перев.*

– А?.. Ой, прости! Вот, бери. Да, в смысле, этот Тидсон выращивал бананы, и, поскольку его суда иногда приходили в Ливерпуль, миссис Крок послала меня сюда пообщаться с кем-нибудь из его знакомых, кто болтался у причалов или еще где, чтобы узнать, был он способен на убийство этого мальчишки.

– О господи, Ищейка! Хватит валять дурака! Я не вижу никакого смысла в твоих словах.

– Сказать по правде, утеночек, я тоже. Но пропустим это. Заказать еще сэндвичей?

– Не для меня. Я ложусь спать.

– Вполне разумный план, – согласилась Лора, вставая. – «Завтра в новые леса и на свежие пастбища»³⁴. Иными словами, я прокачусь по надземной железной дороге³⁵, что, как донесли мне мои шпионы, лучший, если не единственный способ увидеть порт с высоты птичьего полета. Во время нашей экскурсии я составлю план, как выяснить всю подноготную этого Тидсона.

На следующее утро девушки насладились поездкой и получили бесплатный пропуск на посещение корабля «Кунардер», стоявшего тогда в порту. Как раз на его борту Лору и подстерегала удача, которая, как скромно объяснила она в письме миссис Брэдли, всегда так и норовит ее преследовать.

Она стояла на нижней палубе на стороне, обращенной к берегу, и разговаривала в своей обычной уверенной, приветливой манере, когда к ней подошел молодой человек и приподнял шляпу.

– Прошу прощения, – сказал он, – но мне показалось, что вы упомянули имя Тидсон.

– Да, это так, – ответила Лора, разглядывая его в упор. – Человека, который одно время держал банановые плантации на Тенерифе.

– Да. Один из наших управляющих – он только что вышел на пенсию, заведовал Сан-Сабадо в Пуэрто-де-Оротава, не так ли?

– Не думаю. Мой Тидсон выращивал бананы самостоятельно.

– Крайне маловероятно, если позволите. Понимаете, банановые плантации принадлежат нам. Он управлял Сан-Сабадо для нас до этого года. Мне интересно, что случилось со стариком. Мы всегда считали его невезучим.

– Невезучим? Почему?

– Ну у него постоянно умирали работники. В конце концов они сделались такими суеверными, что он не мог нанять достаточно рабочих, чтобы Сан-Сабадо нормально функционировал. Все говорили, что у него дурной глаз. Лично я думаю, что не у него, а у его жены.

– У жены?

– У Крит Тидсон. Красивая женщина. Наполовину гречанка.

– Скажите мне, – серьезно проговорила Лора, – не было ли среди работников каких-то слухов о преступлениях?

– Господи боже, нет! Парни умирали по вполне естественным причинам. Девушки тоже. Мы нанимаем очень много женщин. Просто поразительно, сколько могут унести некоторые из островных девушек. Могу вам сказать, что кое-кто из грузчиков Ковент-Гарденского рынка разинул бы рот.

– А ваш мистер Тидсон вообще был странный? – поинтересовалась Лора. – В настоящее время он вроде как под надзором психиатра – я ее секретарь, – и нам интересно, не проявлял ли он когда-либо признаков некоего, скажем так, своеобразия.

– О, старый чудак был совершенно безумный, – весело ответил молодой человек. – Спросите любого на Тенерифе или в Оротава. Любил лазить по горам, чтобы посмотреть, как из

---

³⁴ Строчка из стихотворения Д. Мильтона.

³⁵ Надземная железная дорога Ливерпуля – система линий электрифицированной железной дороги, открытая в 1893 году и прекратившая свое существование в 1956 году.

вулканов выпрыгивают духи. Безвреден, как ребенок, конечно, но точно, сумасшедший. Никогда в этом не сомневался.

– Но ничего зловещего? – не отставала Лора.

– Абсолютно. Брал займы и не отдавал, что тоже не способствовало его популярности, но люди скоро его раскусили и просто перестали ему хоть сколько давать. На свою жену он потратил целое состояние. Туда-то все денежки и ушли. Я лично не представляю, почему она за него вышла. Просто поразительная красавица, знаете ли. Испанцы называли ее донья Альба.

– Вот и говори о неожиданной удаче! – сказала Лора, когда они с Китти снова очутились на берегу. В ее голосе звучало сожаление. – Это конец нашего отпуска, голубушка. Сегодня днем я изложу то, что узнала, в официальном письме миссис Крок, и она, вероятно, ответит телеграммой, немедленно призывая меня к себе.

Однако миссис Брэдли была слишком хорошей, чтобы так поступить. Она велела Лоре поехать в Озерный край или в Блэкпул вместе с Китти, если она пожелает, и как следует отдохнуть. Она ждет ее, как только та решит вернуться, добавила миссис Брэдли, и не нужно экономить на расходах.

– И как тебе?! – спросила Лора, передавая сообщение Китти.

– А никак, – твердо ответила девушка. – Ты лучше позабудь про озера, Ищейка. Насколько я понимаю, у нас здесь есть работа.

– Например?

– Снова найти этого бананового деятеля и заставить его дать письменные показания.

– Зачем?

– Деловая предосторожность. Знаешь, это как просят внести аванс, когда ты записываешься на укладку.

– Боже, К., не будь такой занудой! Мы летим в Озерный край, как только найдем там пару номеров.

– О, Ищейка, пожалуйста, не надо таких оплошностей. Ты не можешь оставить это все висеть в воздухе. Или ты получаешь доказательства того, что этот человек знает, о чем говорит, или ты здесь зазря. Кроме того, тут в гостинной сидит американка с прической, какой я никогда раньше не видела, и я хочу узнать, как это делается.

– О боже! – простонала Лора. – Хорошо. Я случайно узнала, где он остановился. Он пытался пригласить меня на ужин и упомянул свою гостиницу.

– Это тебя-то он пригласил из всех возможных вариантов?! – рассердилась Китти. – Я выгляжу в сто раз лучше тебя, и, кроме того, я подходящей комплекции.

– Подходящую комплекцию нужно подсластить, – отозвалась Лора, сильная и мускулистая и ростом целых пять футов десять дюймов³⁶. – Маленькие мужчины часто предпочитают крупных женщин. И потом, я же сказала тебе, что ты толстеешь, ленивая злючка. Это доказывает мою правоту. Пора тебе поделаться какие-нибудь упражнения и отказаться от еды, в которой есть крахмал.

– Хорошо бы, да не получается, – добродушно призналась Китти. – Ну и когда мы наведем этого мормона?

– Завтра, если захочешь. Но я не понимаю, о чем мы можем его спросить. Черт, он сказал нам все, что знает. Не могу же я прийти туда и давить на него. Так не пойдет.

– Будь сама собой, Ищейка. Наверняка ты сможешь что-нибудь придумать! Ты должна заставить его доказать, что он знал этого Тидсона.

– Ну он знал Крит. Это очевидно. И...

– Вероятно, о ней судачили в городе. Наверняка он много слышал о ней. Думаю, что все испанцы на нее западали. Если она действительно такая красивая, как он говорит, то вряд ли

---

³⁶ 5 футов 10 дюймов – ок. 178 см.

мог не слышать о ней, если вообще бывал на Канарах. Но разве это доказывает, что он знал самого мистера Тидсона?

– Ладно, ладно! За ночь я это обдумаю.

Так как Китти знала, что Лора действительно что-нибудь придумает, она почувствовала, что дело можно смело оставить в руках подруги, и не разочаровалась, ибо за завтраком Лора предложила простой и действенный план. Она привела кроткую Китти в гостиницу, где жил молодой человек, и за коктейлем принялась выяснять его мнение на предмет целесообразности посещения Канарских островов ради отдыха.

Он немедленно проявил глубокий интерес и нарисовал им живую и заманчивую картину жизни на островах, а Лора слушала с пристальным вниманием и серьезностью. Затем вдруг сказала:

– Да! Но как мы поймем, что вы вообще жили на Канарах? И еще меньше – что вы вообще знали Тидсонов!

– Доказательство? Но ведь после всего, что я рассказал... – Молодой человек сидел с ошеломленным и немного обиженным видом, а потом начал смеяться. – Послушайте, не знаю, что вы затеяли, но я могу заверить вас, что бедного маленького Тидсона не разыскивает полиция, ничего такого. А что касается того, знаю ли я Тидсонов, я вот что сделаю, если желаете. Я дам вам адрес парня в Лас-Пальмасе, который близко знал их, когда жил на Тенерифе.

Он написал адрес, который Лора позднее переслала миссис Брэдли.

– А теперь, – с огромным удовлетворением произнесла Лора, когда они с Китти распрощались с молодым человеком, – как насчет озер? Или, разумеется, Блэкпула, как предложила миссис Крокодилица. Здесь нас ничто не держит, как только мы ответим на гостеприимство этого нашего шпиона, а это мы можем сделать завтра утром.

– Мне бы хотелось поехать в Уинчестер, – сказала Китти, – если мы там не помешаем. Пожалуйста, напиши миссис Брэдли и спроси у нее. Мне почему-то кажется, что она будет даже рада, если две такие умные особы женского пола пойдут по следу при полном неведении окружающих.

– Ну и ну! – с благоговением воскликнула Лора, пораженная необычайной разумностью, как ей казалось, данного предложения. – Это ты сама придумала? Я умираю, как хочу поехать в Уинчестер, но решила, что тебе и думать об этом противно.

– Конечно, я сама придумала! Понять не могу, Ищейка, почему ты считаешь, что никто, кроме тебя, не может выдать никакую идею! Тебя сочли бы самоуверенной, если б и так уже не знали, что ты такая и есть!

Миссис Брэдли, совершенно не расстроившись при мысли о более оживленной компании для Конни и уж точно обрадовавшись предстоящей встрече с Лорой и Китти, отправила ответ на телеграмму Лоры, приглашая их тотчас ехать в Уинчестер.

Они прибыли перед чаем, покинув Ливерпуль рано утром и совершив стремительное путешествие, после которого Лора выглядела полной сил, а Китти – словно провела весь день в своей комнате, делая макияж и прическу. Усталость и трудности пути никак не отразились на внешности и настроении молодых женщин.

Миссис Брэдли специально их не встречала. Было договорено, что они ухитрятся познакомиться с Конни, а через нее – с мисс Кармоди и Тидсонами. Китти иногда посещала идеи настолько блестящие в своей простоте, что Лоре оставалось только смотреть, разинув рот в полнейшем изумлении. В этот раз Китти предложила пойти в то место, где нашли тело, и провести независимое расследование среди друзей погибшего мальчика.

– Дети охотно со мной разговаривают, – заявила она с уверенностью, на которую, как доподлинно знала Лора, имела право. – Они, вероятно, с визгом убегут от миссис Крок, но я, похоже, всегда кажусь им безобидной.

Хотя данное утверждение было и несправедливо по отношению к миссис Брэдли, на что не замедлила указать Лора, но предложение Китти казалось заманчивым. Однако его осуществление пришлось отложить до следующего дня, а пока они выпили чаю в «Домусе», заселились на две недели, совершили краткую прогулку, поужинали, а потом вышли с кофе на застекленную террасу, чтобы, как заметила Лора, «посмотреть на Тидсонов и остальных подопечных миссис Крок и понять, откуда дует ветер».

В начале девятого миссис Брэдли вышла на застекленную террасу с мисс Кармоди и ее домочадцами. Китти и Лора, сидевшие за столиком, скромно расположенным в глубине террасы между фиговым деревом и чашей пятнадцатого века для святой воды – реликвия первого, мужского, а не женского монастыря, который существовал здесь до отеля, – получили, как сказала Китти, шанс «лицезреть» Эдриса и Крит Тидсонов, Конни и мисс Кармоди. Затем Лора неторопливо подошла к миссис Брэдли.

– Мы ведь знакомы, не так ли? Если нет, значит, я видела вашу фотографию в газетах. Если я не ошибаюсь, вы – миссис Лестрейндж Брэдли из колледжа Картарета?

– Конечно, ты не ошибаешься, Ищейка, – поддержала ее Китти. – Более того, я совершенно уверена, что миссис Брэдли помнит, что мы учились в Ательстан-Холле.

– Ну конечно! – воскликнула миссис Брэдли. – Картарет? Вы, должно быть, мисс Мензис. А вы?..

– Тревельян. Я была старостой. – Китти нахально припомнила звание, которое миссис Брэдли, начальница общежития, навязала ей в колледже.

– Да, да, конечно! Как я могла забыть, – проговорила миссис Брэдли. – Мисс Кармоди, позвольте представить двух моих бывших студенток. Вы остановились в Уинчестере? – продолжала она, когда знакомство состоялось: осторожное с Конни, с энтузиазмом с мистером Тидсоном, апатичное с Крит, сентиментальное с мисс Кармоди.

– О, сегодня – здесь, завтра – там, как-то так, ну вы понимаете, – ответила Лора. – Подумали, что надо бы пройтись до собора и все такое прочее. Никогда не были в Уинчестере и подумали, что надо, наверное, съездить. Увидеть Неаполь и умереть, – туманно добавила она.

– Великолепная мысль, – сказал мистер Тидсон, разглядывая пухленькую Китти почти с таким же одобрением, как если бы она была его нимфой.

Китти ослепительно ему улыбнулась, а когда они удалились с застекленной террасы, сказала Лоре, что он показался ей жутким стариканом и человеком, вполне способным на убийство.

– Ты так думаешь? – спросила Лора. – Здесь налево, насколько я помню. Не могу сказать, что разделяю твое мнение. Я бы скорее подумала, что он ребячится и сильно избалован.

– Ну я это и имела в виду. Это одно и то же. Знаешь, безответственный, румяный и немного облысевший.

– Хватит болтать, – оборвала ее подруга. – Так, а теперь – где же наш номер? Можно подумать, что наши предки произошли от кроликов, понастроив таких запутанных обиталищ!

– Как мы поступим с осмотром достопримечательностей? – требовательно спросила Китти. – Нам действительно придется посетить собор?

– Само собой, – ответила Лора. – Я тебе все покажу.

Следующее утро они провели, с восторгом изучая собор. От их зачарованных взглядов ничто не ускользнуло, а Китти получила больше удовольствия, чем ожидала. Девушки оживлено разговаривали, хотя беседовать приходилось вполголоса.

– Посмотри, Ищейка! Занятно, когда твой скелет помещают в мемориал!

– Это называется саркофаг. В путеводителе говорится, что они «причудливые». В конце концов, нет ничего лучше преуменьшения.

– Ограда алтаря здесь очень красивая. Тебе не кажется?

– Конец семнадцатого века. Да, а как тебе места для хора? А настенная роспись в капелле Гроба Господня?

– Дело в том, что люди не могли так выглядеть. Давай пойдем посмотрим, не откроет ли служитель крипту. Потом, наверное, можно подняться на башню и полюбоваться видом. От соборов у меня болит голова.

Примерно через час после этих хождений Лора повела подругу на ланч и по дороге объявила, что нашла место, где утонул мальчишка Грир, и они пойдут туда на поиски информации сразу после еды.

Так что они пообедали, а потом дошли по Хай-стрит к мосту и мельнице. После пяти минут ходьбы Лора вдруг заметила:

– Мне говорили, что где-то здесь есть молодежный хостел. Ты его не видишь?

– Мы его прошли. А это старая мельница. Разуи глаза, Ищейка, – сказала Китти с торжеством вечно притесняемого человека.

– Я разувала... на расположение местности. Ой, ладно, если мы прошли хостел, мы на правильном пути, а это уже кое-что. Вот это, наверное, те дома.

Скоро им повстречались дети. По правде говоря, их было очень много.

– Нам нужны мальчики, – пробормотала Китти, – а не девочки. Мальчики должны знать, что привело бедного ребенка на реку так поздно вечером. Девочки о таком не знают.

– Поздно вечером? Боже, ты и это помнишь?!

– Ты не единственная особа, проявляющая интерес, Ищейка, – самодовольно ответила Китти. – погоди, пока кто-нибудь спросит у нас, который час, и мы получим свою добычу. Дети всегда спрашивают время у незнакомых людей. Я считаю, что это скрытая форма дерзости.

Когда они подошли к мосту, их остановили трое маленьких мальчиков, которые играли с оранжевой коробкой, поставленной на колеса от детской коляски.

– Пожалуйста, не могли бы вы сказать точное время, миссис? – спросил предводитель.

Китти глянула на свои часы. Они были совсем крохотными и вызвали немедленный интерес.

– Точное время? – прищурилась, глядя на них, Китти. – Ох, я должна надеть очки.

Очков она не носила. Зрение у нее было отменное.

– Я скажу, сколько, миссис! Дайте мне посмотреть! – тут же настойчиво попросил один из детей.

Китти разрешила ему посмотреть. Она даже сняла часики и дала мальчикам повертеть их в руках. Лора следила за ними, каждую секунду ожидая, что кто-то из детей уронит часы и разобьет их, но они переходили из одной пары грязных лапок в другую без катастрофических последствий. В конце концов предводитель надел их на запястье Китти. После этого не так уж сложно было задать мальчикам все интересовавшие их вопросы.

– Итак, эти мальчики соорудили плот из досок от ящика и спрятали его в камышах, а тот утонувший ребенок, как они думают, пошел и украл его, – задумчиво проговорила Лора, когда они повернули назад через мост, чтобы попасть на дорожку, ведущую в отель. – Что ж, вполне правдоподобная причина, по которой мальчишка может бродить поздно вечером. Жаль, нет никаких сведений о том, как его ударили по голове.

– Если б были, мы бы знали, кто убийца, верно? – спросила Китти. – Тем не менее плот что-то значит, да?

Обе они, а в особенности Китти, удостоились похвал миссис Брэдли, как только Лора сообщила все факты.

– Это и твоя заслуга, – искренне сказала Лора, сидя на краю кровати Китти перед тем, как уйти спать в свой номер. – Ты просто мастерски обработала детей. Школа потеряла многообещающего специалиста в твоём лице, когда ты занялась своим парикмахерским делом.

– О, чепуха, Ишейка! Из меня никогда не получилась бы учительница. Со мной дети всегда ведут себя плохо, а я даю им нагоняй или запрещаю баловаться, когда становится уже слишком поздно и они набедокурят.

– Да, есть такое дело, – согласилась Лора. – Какое у тебя мнение о младенце, который таскается за этой Кармоди и называет ее тетя Присси или как-то в этом роде? Об этом ребенке, с которым у нас запланировано более близкое знакомство. Не такая уж она и неприятная, какой кажется.

– Конни Кармоди? По-моему, она нормальная.

– Да, но тебе надо бы подготовиться к ее реакциям. Лично я думаю, что эта девица боится за свою жизнь.

– В прямом смысле?

– Почти в прямом, я бы сказала. Ты разве не заметила, что она нашла предлог не подниматься наверх одной, и это среди бела дня? Для девчонки девятнадцати лет от роду это ненормально. А заметила ты, как быстро миссис Крок поняла намек и пошла с ней? Что-то действует на нервы этой девице, и, думаю, миссис Крок догадывается, что именно, и не считает это блажью.

– Ой, не знаю. Некоторые люди ужасно нервные. Я, например, была такой в восемь лет. Ничто на свете не заставило бы меня...

– Восемь – не девятнадцать, утеночек. Кроме того, эта Конни боится чего-то определенного. И знаешь, что я думаю?

– Да, конечно. Тидсона, – ответила Китти.

– Тидсона? – переспросила Лора, у которой перехватили инициативу.

– Да. Он гнусный старикашка. Не удивлюсь, если он приставал к ней с неприличными предложениями или тому подобным.

– Ты сама-то не превратилась в нимфоманку, нет? – поинтересовалась Лора, с большим интересом разглядывая подругу.

Китти уже собралась дать достойный ответ на этот клеветнический вопрос, когда Лора встала с кровати и тихонько подошла к двери. Внезапно повернув дверную ручку, она рывком распахнула дверь. За ней стояла Конни Кармоди, на полу рядом с ней стоял чемодан.

– Понимаете, мне нужно попасть в Лондон, – прошептала она. – Не можете ли вы одолжить мне немного денег?

Глава 9

*Оторвите грязные концы, подсолите их.
Миссис Сара Харрисон. Карманная книга домохозяйки и т. д.*

– Да меня можно соломинкой свалить, – со страстью проговорила Китти.

Лора смотрела на привлекательную фигуру подруги с насмешкой, миссис Брэдли – с вежливым интересом.

– В самом деле? – спросила Лора, и в ее словах иронии было гораздо больше, чем доброты.

– Я не с тобой разговариваю, Ищейка, – сказала Китти с великолепным достоинством. – Не лезь.

– Это твой бенефис, – согласилась Лора, доставая сигарету и задумчиво ее разглядывая, прежде чем сунуть в рот. – Говори, но будь краткой. Я чую кого-то из Тидсонов, поэтому нам лучше убавить громкость.

Это оказалась Крит, которая с унылым видом вошла в гостиную, держа в одной руке вышивание, а в другой руке у нее болталась сумочка. Во рту Крит торчала сигарета, и когда женщина, положив вещи, вынула ее изо рта, показалось, что измазанный помадой фильтр окровавлен.

– Знаете, – вдруг строго обратилась к ней Китти, – вам совсем не идет этот цвет. Пойдемте в мою комнату, и я вам докажу. Эта помада на три тона темнее, чем нужно.

Крит, казалось, пришла в замешательство.

– Видите? – продолжала Китти, вдохновляемая, как всегда, бестактным рвением художника. Она достала из своей сумочки маленькое зеркальце. – Посмотрите в него и улыбнитесь. Шире. Вот, вы даже не понимаете, где остановиться или как далеко линия может выйти за края губ. Бога ради, позвольте мне вами заняться! У вас...

Ее голос стих в отдалении, когда она вытолкала ошеломленную Крит за дверь. Лора улыбнулась миссис Брэдли и подала ей стул.

– Наконец-то одни. Итак, что все это значит насчет Конни? Потерялась, похищена или сбилась с пути истинного? Судя по вчерашней встрече...

– Преимущественно последнее, – сказала миссис Брэдли. – Я очень переживаю из-за Конни. Я бы предпочла, чтобы ее поисками занялась полиция, но пока что мисс Кармоди и слышать об этом не хочет.

– Полагаю, мне не следовало давать ей деньги. Но она пришла и попросила, а у меня они были, и старушка Китти тоже ее просубсидировала, и та ушла. По правде, мы подумали, что у нее свидание, и вообще... – она мрачно прищурилась, глядя на свои туфли, – все мы когда-то были молодыми. – Посмотрев на дверь, она добавила: – Что, по-вашему, вообще происходит в округе и что вам удалось узнать про плот?

– Отвечая сперва на второй вопрос, скажу, что я ничего не выяснила сверх того, что узнала ты, дитя, – пожалала плечами миссис Брэдли. – Плот вполне объясняет, что мальчик делал у реки, и если это так, а я думаю, что так, одна из наших проблем решена. Вопрос в том, где плот?

– Я полагаю, нет сомнения, что его... в смысле, что несчастный случай произошел с мальчиком именно там, где его нашли, а не в каком-то другом месте?

– Этот вопрос на дознании не возникал, – ответила миссис Брэдли. – А что?

– Мне просто интересно. Насколько я понимаю, вокруг полно мест, где может утонуть ребенок.

– Знаешь, я видела этого мальчика. Там, где его нашли, очень мелко и грязно, и согласно показаниям осматривавшего его врача, на его лице и ладонях не было царапин, и на коленях тоже. Тем не менее, если кто-то ударил мальчика по голове и аккуратно положил его в ручей, то неважно, были там камни или нет...

– Жаль, что все это случилось, когда вы были в Лондоне, – заметила Лора, – если только таков и не был план.

– Разумеется, случайности бывают самые необыкновенные, – кивнула миссис Брэдли. – Так что нам делать с Конни?

– Ну а разве она не имеет права сбежать и жить самостоятельно, если хочет?

– У нее есть определенные обязательства перед теткой.

– Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Она, часом, не познакомилась в Уинчестере с каким-нибудь серьезным молодым человеком?

– Откуда же нам знать? Девушки очень хорошо умеют скрывать подобные вещи от своих опекунов. На мой взгляд, у нее было не особо много возможностей с кем-то встретиться, но устроить это всегда можно, а она проводила много времени одна.

– Вы меня удивляете, – усмехнулась Лора. – Неужели вы не прощупали Томаса? Эти фактотумы³⁷ – я правильное слово употребила? – очень часто обладают неофициальной информацией о своих клиентах, разве вы не знаете? Они подмечают разные мелочи и обычно умеют сделать верные выводы. Видимо, это дело опыта. Они stalkиваются с сотнями людей и видят их насквозь.

– Томаса я прощупала, – ответила миссис Брэдли, – и считаю, ему что-то известно, но его ответы были лаконичными и туманными. Более того, он изъяснялся на своем диалекте, который, как все диалекты, колоритен, суров и интересен, но для меня несколько неудобоварим.

– Повторите их мне. Я попробую перевести.

– Очень хорошо, дитя. Вот что он сказал.

И она повторила высказывание Томаса так точно, как если бы все записала. Со стороны это звучало как полная абракадабра. Выслушав, Лора сразу же спросила:

– У Конни были собственные деньги? Непохоже, если ей пришлось занимать у нас, но, разумеется, ее наличность может лежать в трастовом фонде, пока ей не исполнится двадцать один год и всякое такое, наверное. Слова Томаса в переводе значат следующее: «Стало быть, она уехала! Ну-ну! Есть один человек, который хочет узнать, с какой стороны дует ветер, чтобы наполнить пустые карманы». Вам это что-то говорит?

Миссис Брэдли хихикнула. Звук получился веселый, и Лора, которая привыкла считать его боевым кличем, посмотрела на свою работодательницу, как, наверное, смотрел на Тихий океан отважный конкистадор Кортес.

– Что-то начинает вырисовываться? Мне кажется, один факт никак не укладывается в схему. Конни тряслась от страха с того момента, как мы здесь появились. Я бы сказала, что почти сразу же, как мы приехали, или совсем незадолго до этого что-то произошло. Мы гадали, может, она подозревает, что мистер Тидсон строит низменные планы или что кто-то каким-то образом заполучил на нее компромат. Или она думает, что эта морская дева Крит может заколоть ее своим ножичком из набора для рукоделия, или еще что... И я по-прежнему считаю, что не надо сбрасывать со счетов ее тетку. Предположим, мисс Кармоди решила что-то заполучить, избавившись от Конни... Хотя нет, так не выходит. Кстати, об избавлении, я полагаю, что это от Тидсонов мисс Кармоди хочет избавиться. О господи, это все равно что пробираться ощупью в темноте. Ну и что, по-вашему, нам делать? В смысле, почему исчезла Конни?

---

³⁷ Фактотум – личный секретарь, доверенный слуга.

– Что ж, есть всего одна вещь, которая может быть нам полезна, – проговорила миссис Брэдли, игнорируя вопрос об исчезновении Конни и ограничиваясь только тем, что им нужно сделать.

– Я знаю! Следить за Тидсонами и мисс Кармоди, чтобы узнать, не занимаются ли они грязными делишками. Нам нужно ходить за ними по пятам! Выскакивать из неожиданных закоулков и раздражать их и нервировать. Они неизбежно выдадут себя, если мы как следует их встряхнем. Что скажете?

– Можешь попробовать и этот метод, – ответила миссис Брэдли, – но, думаю, менее колоритной, но в равной степени полезной задачей будет найти Конни, прежде чем она еще набедокурит.

– Ну и занимайтесь этой Конни! Чур, я слежу за Тидсонами! – воскликнула Лора.

– Можешь попробовать, но не надоедай им, ладно? У нас не больше причин связывать их с исчезновением Конни, чем со смертью мальчика.

Лора с улыбкой пообещала и отправилась сообщить новость Китти. Та еще не рассталась с Крит, а когда, наконец, с довольным видом вышла из ее номера, то немедленно попала в засаду, устроенную подругой, которая, шепча на ходу, увела ее к себе в комнату.

– О господи, Ищейка, говори громче! – попросила Китти. – Я ни слова не слышу из того, что ты бормочешь.

Коротко обругав подругу, Лора изложила план кампании.

– Да, но это бессмысленно. Виноваты не Тидсоны или мисс Кармоди. Это какой-то ужасный человек из района у южной границы города. Его арестовали.

– Что?

– Факт. Фамилия Поттер. Мне сказал Томас, когда я послала его купить несколько расчесок.

– Ты – что?

– Он сказал, что знает магазин, где они есть. Его дочка покупала их там вчера, – невозмутимо ответила Китти. – Не смотри с таким ужасом. Тебе же приходилось раньше слышать о расческах.

– Да, но не о Томасе, которого отправили их покупать.

Однако она не стала тратить время на обсуждения данного феномена, а как можно скорее познакомилась миссис Брэдли с фактом ареста.

– Поттер? – очень заинтересовалась миссис Брэдли. – Хм! Ну конечно, мужчина, который нашел тело. Интересно, что еще у них на него есть.

Об аресте сообщили в вечерних газетах, но больше ничего узнать не получилось. Газеты описывали уже известные обстоятельства гибели мальчика, но ни намеком не дали понять, на каком основании арестовали Поттера.

В тот вечер миссис Брэдли оставила Лору и Китти выполнять добровольно взятую ими и, по ее мнению, непродуктивную задачу слежки за Тидсонами и мисс Кармоди и через южный конец города дошла до узкой улицы, на которой стоял дом Поттеров.

Маленькая гостиная в передней части дома была такой же опрятной, безжизненной и душной, как прежде. Миссис Поттер была дома. Миссис Брэдли специально убедилась в этом, прежде чем постучать в дверь. Деревенские женщины сплетничали, стоя у дверей своих домов, ведь ни один дом на улице не имел палисадника.

– Миссис Поттер у себя? – спросила она у одной из соседок, прервав, по-видимому, уже дважды рассказанную историю о злодействе Поттера и о том, как соседи всегда ожидали, что в один прекрасный день его выведут на чистую воду.

– Ну она дома, – ответила женщина, окидывая миссис Брэдли взглядом из любопытства скорее глупого, чем оскорбительного.

– Что она делает? Она занята?

– Нет. Просто сидит.

Получив данную информацию, миссис Брэдли постучала в дверь. Открывшая ей женщина выглядела на двадцать лет старше той жены и матери, с которой миссис Брэдли и мисс Кармоди совсем недавно познакомились.

– Мне нечего сказать, – сразу же сказала женщина.

– Прошу вас, уделите мне немного времени, – попросила миссис Брэдли, быстро проходя нее в дом. – Вы знаете, что он этого не делал, так почему вы переживаете?

Миссис Поттер привычным жестом отряхнула стул, миссис Брэдли села.

– Вы так считаете? – спросила миссис Поттер. Ее как будто не интересовала эта тема.

– Я совершенно в этом уверена. Он не такого склада человек.

– И я бы так сказала. – Бедная миссис Поттер смотрела теперь на нее с горестным удивлением. – И не такого он склада человек, чтобы заводить шашни с этой потаскухой Герт Грир. Но если он мог сделать это, а я ничего не знала и думала, что у меня хороший муж, а у моей малышки Дорри хороший отец, он мог сделать любую ужасную вещь.

– Значит, вы считаете, что он убил Бобби Грира?

– Да, я тоже так считаю.

– Но...

– У него были шашни с Герт Грир. Вот причина всей этой беды... всей. – Женщина по-прежнему произносила слова так, словно они не имели для нее значения. – Бобби Грир узнал, а Поттер узнал, что Бобби узнал. Герт Грир обо всем рассказала, как только полиция за нее взялась.

– Значит, вы верите миссис Грир? Что говорит ваш муж?

– Не знаю, и меня это не сильно волнует.

– Он знает, что вы так думаете?

– Мне наплевать, что он думает. И я не знаю, зачем вы сюда пришли.

– Не знаете, – кивнула, вставая, миссис Брэдли. – Мне, полагаю, следует навестить миссис Грир. Где ваша девочка?

– Уехала к своей тете в Андовер.

– Она не знает, что ее отца арестовали?

– Нет, не знает. Я ни за что не позволила бы, чтобы она узнала.

– Хорошо. Что ж, прощайте, миссис Поттер. Не верьте всему, что говорит миссис Грир. Мне кажется, она лжет.

Выражение лица женщины не изменилось.

– Она не стала бы рассказывать небылицы, если бы за ними ничего не стояло, – упрямылась она. – И полиция сюда не пришла бы, если б ей незачем было приходиться. Доброго вам дня. Вы хотели как лучше, но я больше не имею дела с дамами из благотворительных обществ. Мне больше ни до чего нет дела.

С этими словами, полными тяжелых и бесцветных отрицаний, она открыла дверь, и миссис Брэдли вышла на улицу. Она направилась напрямик к дому Гриров. Здесь ее встретили радушно, хотя, как ей показалось, и не без подозрительности, учитывая то, какой прием ей оказали здесь в последний раз. Миссис Брэдли перешла к делу, не входя в дом.

– Что навело полицию на Поттера? – напористо спросила она.

– Ах, – игриво улыбнулась миссис Грир, – его собственные дела, вот что, но это никого, кроме меня, не касается. Хотя, конечно, я готова ответить на вопросы. Мне нечего скрывать.

– Ясно. Полиция, без сомнения, задала вам много вопросов?

– Может, и так, – ответила миссис Грир. – Что я сказала, того и буду придерживаться, а у Поттера нету алиби, вот что.

– Это вы так думаете, – заметила миссис Брэдли. – Скажите мне, видели вы маленького мужчину в панаме? Знаете, с ним небезопасно иметь слишком много дел.

Она одарила миссис Грир усмешкой, от которой женщина попятилась, но дверь осталась открытой.

– Не знаю, о чем вы. – Миссис Грир ясно дала понять, что не желает прекращать беседу.

– Неужели? Ну он знает вас, даже если вы не знаете его. Как получилось, что Бобби гулял так поздно?

– Вы бы уж вошли, – предложила женщина.

Миссис Брэдли шагнула в темную гостиную.

– Почему у вас задернуты шторы?

В этой комнате лежал Бобби, и в ней застоялся дух похорон.

– Темнеет, разве нет? – отозвалась женщина. – И люди таращатся, как только включишь свет.

– Значит, вы много пользуетесь этой комнатой?

– Время от времени.

– Знаете, – сказала миссис Брэдли, – мне кажется, было бы гораздо лучше, если б вы сказали мне правду. Вы должны знать, что Поттер этого не делал.

После этих слов миссис Грир перешла на крик. Миссис Брэдли терпеливо слушала поток проклятий, возражений, брани и самооправданий, а затем спокойно направилась к двери. Хозяйка дома смотрела, как она уходит, но, не успела дверь открыться, как миссис Грир рванулась вперед.

– Что вы собираетесь делать? – настойчиво спросила она, попытавшись перекрыть дверной проем.

– Я собираюсь подождать и посмотреть, что произойдет, – прозвучал спокойный и красивый голос миссис Брэдли. – Я бы сказала, вопрос в том, что вы собираетесь делать. Вы очень мстительная женщина. Вы когда-нибудь слышали о жене Потифара?³⁸

Женщина отступила перед черными глазами миссис Брэдли и ее торжествующе сжатыми губами, вновь напоминающими клюв.

Миссис Брэдли вернулась к миссис Поттер.

– Почему вы ей поверили?

– Этой Грир?

– Да, конечно. Она лгала. Вы должны были бы понять.

– Тогда где был Тэд в ту ночь, когда утонул мальчик?

– Значит, вы не верите, что ваш муж убил мальчика? Вы лишь верите грязной клевете миссис Грир, да?

– Чему я могу поверить? Его не было дома... и это случилось не в первый раз.

– Вы просили его объяснить?

– Он сказал, что его допоздна задержали на работе. Работа, в одиннадцать часов вечера!

– Согласна, не очень убедительно.

Миссис Брэдли пошла к выходу. Женщина проводила ее до двери.

– Вы думаете, что он был не с Грир? – спросила она, демонстрируя первые признаки смягчения, которые заметила миссис Брэдли.

– Я не думаю, что он убийца. Утро вечера мудренее, миссис Поттер, и я на вашем месте не тревожилась бы.

Разговор оказался легким, размышляла мисс Брэдли, идя по убогой деревенской улице в направлении Уинчестера и внушительной статуи короля Альфреда. Достаточно редко встречающаяся супружеская неверность была для уважаемой миссис Поттер и ее приятельниц

---

³⁸ Жена Потифара – безымянный персонаж Ветхого Завета, жена хозяина Иосифа, находившегося в египетском рабстве. Она возжелала красивого юношу и захотела добиться его благосклонности. Когда же он отверг ее домогательства, она обвинила его в попытке изнасилования, показав плащ, который он потерял, и за это его бросили в тюрьму. – *Примеч. перев.*

непростительным грехом. И все же миссис Брэдли продолжала гадать, что делал Поттер в тот вечер, когда погиб мальчик, хотя как будто и выяснила, почему миссис Грир ненавидела его настолько, чтобы желать ему смертного приговора. «Гнев ада не сравнится с гневом отвергнутой женщины»³⁹, а миссис Грир была довольно привлекательной особой.

«Интересно, кто та женщина, с которой он действительно встречается? – подумала миссис Брэдли, поворачивая на северо-восток, к «Домусу». – Ее необходимо найти».

---

³⁹ Строчка из пьесы «Невеста в трауре» У. Конгрива.

Глава 10

Наш маленький Спарк бежит все лучше и лучше и без конца лопочет на своем языке.

Ральф Палмер – Ральфу Вернею. Письма семьи Верней

С утренней почтой пришло письмо от Конни. Обратный адрес она не указала, но на почтовом штемпеле значилось «Лондон, W.4».

– Чизик, – сказала миссис Брэдли, которой было адресовано письмо.

Лора вроде бы заинтересовалась, но ничего не сказала. Миссис Брэдли скосила на нее яркий, как у птицы, глаз.

– Грейт-Уэст-роуд, – добавила Лора в ответ на этот взгляд.

Миссис Брэдли кивнула.

– Интересно. А важно или нет, мы, возможно, узнаем, когда выследим Конни.

– Вы собираетесь это сделать?

– Да, дитя. Или скорее я предлагаю сделать это тебе.

– Вместе с Китти?

– Ну если ты не против, я бы лучше оставила Китти здесь. Жаль, что Элис сейчас занята. Мне кажется, нам ее помощь не помешала бы.

– Думаю, она уже могла освободиться. В школе каникулы. Я телеграфирую старой разведчице. Она с удовольствием приедет и присоединится к нам.

– Но она уже могла запланировать летний отдых, – заметила миссис Брэдли.

– Тогда она его перепланирует, – отрезала Лора. – Черт побери, настало время всем добрым людям прийти нам на помощь. Я отправлю телеграмму на ее домашний адрес.

Она так и поступила, отправив послание с оплаченным ответом.

– А теперь, – проговорила миссис Брэдли, – вперед. Я не говорю «привези Конни», но ты должна узнать, почему она уехала и нуждается ли в деньгах. Ты знаешь, что я имею в виду.

– Конечно, – со всей любезностью подтвердила Лора.

– Ты уехала в Лондон по моим делам, – продолжала миссис Брэдли. – Это наша официальная версия и к тому же в некотором роде даже правдивая. Она объясняет твой отъезд. Поскольку ты моя бывшая студентка, вполне естественно, что я попросила тебя съездить с поручением. Возвращайся как можно скорее, и удачи, дитя.

– Она мне не помешает! Это все равно что искать иголку в стоге сена!

Лора успела на утренний поезд и пообедала уже в Лондоне. Затем она доехала до станции Чизик и, определившись с планом, для начала пошла в публичную библиотеку и сверилась с адресной книгой.

Фамилия Конни была Кармоди, такая же, как у ее тетки, и в адресной книге нашлось несколько адресов. Лора списала их все и провела середину дня и первую половину вечера, проверяя их. Все безуспешно. Ни один из чизикских Кармоди не был связан с Конни или ее теткой.

Поужинать Лора сходила в кенсингтонский дом миссис Брэдли, где ее радушно встретили Генри и Селестина, которым девушка нравилась. Провела ночь в своей постели и на следующее утро позавтракала в семь.

Лоре достаточно было совсем немного сна, и в течение ночи она прикидывала свои дальнейшие действия по поиску Конни. Странное и необычное всегда влекло Лору, и у нее никогда не иссякали идеи.

После завтрака она посетила несколько магазинов и накупила шнурков для ботинок и туфель. Вернулась домой, выклянчила у Селестины легкий поднос с ручками, старый берет

и самую поношенную одежду для работы в саду, включая пару башмаков, которые время от времени достаивались смазывания жиром, но никогда не чистились, нарядилась и двинулась к театру «Чизик эмпайр».

Здесь она сидела на ступеньках, пока уборщики не прогнали ее, а затем слонялась по широкой аллее между боковой стеной мюзик-холла и стоявшими в ряд магазинами, повесив на шею поднос на тесемке и привлекательно разложив на нем шнурки. Девушка наблюдала за автобусными остановками парка Тернем-Грин на обеих сторонах улицы и благоразумно скрывалась в подворотне, едва завидев полицейского.

Ей пришлось некоторое время подождать, но когда часы на церкви пробили одиннадцать, Конни пришла со стороны Хаммерсмита и встала в очередь на автобусы, идущие в западном направлении.

«Попалась!» – сказала себе Лора. Она рассовала шнурки по карманам, сняла с шеи поднос и, зайдя в кассу «Чизик эмпайра», сунула его ошеломленным служащим со словами:

– Постерегите, пока я не вернусь!

Затем она пересекла улицу и присоединилась к очереди на автобус, очень удачно отделенная от Конни тремя толстухами с корзинками для покупок. Конни поднялась на верхнюю площадку автобуса, а Лора села внизу у самого выхода, готовая сойти, едва добыча появится из дверей. Лора не знала, сколько заплатить, поэтому остановилась на двухпенсовом билете и с удовлетворением увидела, что Конни вышла на остановке, ближайшей к Грейт-Уэст-роуд.

«Правильно угадала с первого же раза!» – пробормотала Лора, прячась за телефонной будкой, когда Конни, по виду спешившая, оглянулась, прежде чем перейти дорогу. Лора выждала, пока она перейдет, а затем бросилась за ней, едва увернувшись от автомобиля, который стремительно несся по дороге.

На автобусной остановке Конни в нерешительности остановилась, и на мгновение Лора подумала, что та собирается вновь ждать автобуса. Прикрытия никакого не было, и Лора уже решила, что придется себя обнаружить и потребовать у Конни ответа, почему она сбежала. Но после паузы, длившейся меньше секунды, Конни снова двинулась в путь. Лора последовала за ней, но расстояния не сокращала.

Конни ускорила шаг. Лора тоже прибавила скорости, чтобы расстояние между ними оставалось прежним. Девушки прошли узкий перекресток, а затем подошли к другому, еще более узкому. Конни миновала его и припустила еще быстрее. Лора, боясь упустить ее в лабиринте переулков, ускорила шаг. По узкому мостику они пересекли железнодорожные пути, а затем Конни свернула налево, на длинную, мощенную камнем улочку, шедшую вдоль железной дороги. К ней вели три широкие, грубые ступеньки. Конни вприпрыжку спустилась по ним, а потом бросилась бежать.

Лора продолжала идти шагом, пока Конни не скрылась за небольшим поворотом, и тут уж полетела как ветер и почти настигла девушку.

– Подожди! – позвала она, поскольку к этому времени была уверена, что Конни собиралась идти по Грейт-Уэст-роуд, но изменила маршрут, обнаружив, что за ней следит Лора. Прятаться дальше смысла не имело.

На окрик Конни ответила тем, что снова рванулась вперед. Лора, которой здорово мешали ее садовые башмаки, поначалу отстала, и к тому моменту, когда она свернула за угол, Конни пропала из виду.

Лора недолго пребывала в замешательстве. Над железнодорожными путями имелся пешеходный мостик. Должно быть, Конни воспользовалась им. Лора совершила бросок вперед и увидела, как ее цель исчезает на извилистой тропинке, которая, догадалась сыщица, должна упереться в Грейт-Уэст-роуд где-то в той части, которую две девушки уже проходили.

Вскоре Лора оказалась в маленьком парке или на площадке для игр, где резвились дети. Конни по-прежнему не было видно, и Лоре понадобилось несколько минут, чтобы найти ворота. Она снова очутилась на Грейт-Уэст-роуд, но все еще не видела Конни.

Лора коротко ругнулась на себя за то, что не сократила дистанцию раньше, но не стала тратить много времени на сожаления. Она пошла к автобусной остановке и немного подождала. Менее чем через четверть часа она стояла перед многоквартирным домом, который уже посещала с миссис Брэдли, и жала на кнопку звонка рядом с фамилией «Браун».

Конни открыла дверь. Лора протиснулась внутрь, хотя та и пыталась ее не пустить. С таким же успехом она могла пытаться остановить танк, так как в Лоре было десять стоунов и девять фунтов⁴⁰ костей и мышц. Конни пришлось уступить, и Лора вошла в прихожую и ногой захлопнула за собой дверь.

– Все в порядке, – сказала она, увидев перепуганные глаза Конни. – Я от миссис Брэдли. Она о тебе волнуется. Почему ты так сбежала?

– Вы одолжили мне денег. Теперь вы не можете меня остановить, – заявила девушка.

– Да кто хочет тебя остановить, дурочка? Я хочу знать, что ты затеяла, вот и все.

– Я убегаю от своего дяди Эдриса.

– Дяди? Это что-то новенькое, да?

– Нет. Он мой дядя. На самом деле он даже более близкий родственник, чем тетя Присси. Он хочет, чтобы я жила с ним и Крит, а я не хочу. Вот и вся история.

– Послушай-ка, – Лора была уверена, что Конни лжет, – что за всем этим скрывается? Давай куда-нибудь пройдем и сядем, и потом ты мне все расскажешь. Мне это кажется полной ерундой. Ты не обязана жить с мистером Тидсоном и его женой, если не хочешь. В любом случае мисс Кармоди этого не хочет, не так ли? Мне казалось, ты выходишь на работу?

Она взяла Конни за руку и втолкнула в комнату слева от прихожей.

– Это началось с призрака, – начала Конни. – Ну, вообще-то, думаю, это началось гораздо раньше. Но не надо меня пытаться! Я не собираюсь ничего рассказывать!

Элис Бурмен, подруга Лоры и Китти и третий «мушкетер» миссис Брэдли, прибыла в Уинчестер в ответ на Лорину телеграмму и появилась в «Домусе», предупредительный персонал которого быстро заселил ее в одноместный номер на верхнем этаже, почти сразу же после отъезда Лоры в Лондон. Разместившись, Элис пригласила Китти в свою комнату на военный совет.

– Так что тут у вас происходит? – спросила Элис.

По сравнению с пышной Китти и амазонкой Лорой третий член их компании была маленькой, худенькой и жилистой девушкой, и она единственная из триумвирата работала по той специальности, которую все они получили. Она была учителем физкультуры в большой школе в Северном Лондоне и, по любимому замечанию Лоры, в равных частях состояла из силы воли, натурального каучука и той простодушной практичности, которой могла обладать Иезавель⁴¹ до того, как познакомилась с учением об Иегове и узнала, что такое грех.

– Что ж, сказать правду, я не имею ни малейшего представления, – честно ответила Китти. – Вроде бы произошло убийство, и я так понимаю, мы ожидаем еще одного, но что все это значит, выше моего разума. Ты же меня знаешь, я не настолько быстро соображаю, и я в полном недоумении. Жаль, тут нет старушки Ищейки. Уехала перед самым твоим приездом, и мы не знаем, когда она вернется. Она бы сразу все тебе об этом рассказала. Но у нее задание

⁴⁰ 10 стоунов 9 фунтов – ок. 67,5 кг.

⁴¹ Иезавель – персонаж Библии, жена израильского царя Ахава, она была язычницей и отличалась кровожадной жестокостью; став царицей, стремилась насадить в израильском народе идолопоклонство. – *Примеч. перев.*

от Старой Ящерицы. В Чизике или где-то еще. Ты когда-нибудь была в Чизике, юная Элис? Знаменит летним дворцом и регатой и все такое. Ищейка говорит...

– Ясно, – перебила Элис, следуя своей старой привычке прерывать пустую болтовню Китти. – А что там такого с Тидсонами и что, по-твоему, мне надо делать?

– А, тут все просто. По словам Ищейки – которая, разумеется, может и чушь нести, с ней это часто бывает, – мы должны следить за этими Тидсонами, как леопарды, сообщать о том, что они замышляют, если это какая-то гнусность, и не давать им совершать убийств, если они попытаются.

– А, следить за Тидсонами... – с тихим удовлетворением промолвила Элис. – Они везде вместе ходят?

– Нет, порознь. Тебе что лучше – дышать свежим воздухом и следить за ним или остаться на застекленной террасе и наблюдать за ней?

– За ним, если бы я выбирала. Но выбирай ты.

– Я – за террасу. Не люблю я эти открытые пространства. Мне гораздо лучше оставаться за стеклом или в саду. Ты правда не очень возражаешь против работы в полевых условиях?

Элис, которая даже предпочитала такую работу, подтвердила отсутствие возражений.

– Надеюсь, ты вовремя вернешься к чаю, но я сильно в этом сомневаюсь, – продолжала Китти. – Тем не менее он всегда приходит на ужин, это его хорошая черта. Одна-единственная, пожалуй.

Она передернулась с чисто женским отвращением.

Элис, уже насладившаяся скромной и сытной трапезой, поданной в отеле за ланчем, сказала, что так и предполагала и не огорчится, если пропустит чай. Она поднялась к себе в номер, сменила костюм на блузку, юбку и блейзер, а чулки – на теннисные носки, спустилась в холл и, скромно пристроившись позади нескольких мужчин, сплетничавших в дверях курительной комнаты, стала ждать мистера Тидсона, отчаянно надеясь, что он изберет этот день для прогулки.

В половине третьего он спустился с удочкой в руке и обвешанный прочими принадлежностями. Элис вышла из отеля следом за ним, но вскоре потеряла его на людной Хай-стрит, снова увидела на площади перед собором, проследовала за ним мимо западного входа в собор, а потом увидела, как он трусцой пробегает под аркой Королевских ворот. Элис остановилась под аркой, чтобы убедиться, что Тидсон пойдет по Колледж-стрит, и тогда устремилась вслед.

Когда мистер Тидсон достиг Колледж-уок, Элис отстала от него, поскольку решила, что найдет его где-нибудь на заливных лугах. Ее не представили никому из Тидсонов, только Китти небрежно сказала мисс Кармоди, что это «мисс Бурмен, которая училась вместе с нами в колледже». За ланчем Элис сидела за отдельным столиком, и подразумевалось, что их знакомство с Китти – поверхностное и прохладное. Более того, мистер Тидсон и сам не выказал интереса к ее сухой, жилистой и мускулистой фигуре, худому лицу и внимательным глазам. Одежда у нее была, по выражению Китти, «твидистой», туфли – крепкими и практичными, и профессия уже наложила на Элис фирменный отпечаток, такой же специфический, как у моряка, боксера или торговца лошадьми – всех этих персонажей она до некоторой степени напоминала, и обладала способностью, поняла она в этот миг, отпугивать противоположный пол.

Выйдя через калитку на луг, Элис сначала не увидела мистера Тидсона. На дорожке и у воды гуляли дети и другие отдыхающие, и маленькую фигуру мистера Тидсона различить было невозможно. Элис пошла быстрее. У нее был широкий, упругий шаг, и двигалась она очень быстро.

Элис неплохо представляла себе окрестности Уинчестера, ранее этим летом она возила сюда на экскурсию группу школьников. Она предполагала, что мистер Тидсон, наверное, свернул налево от моста, перекинутого через ручей под названием Лоуги, и пошел по Колледж-пас

через заливные луга, поэтому она посмотрела в том направлении, когда приблизилась к деревянному мосту, но по-прежнему нигде его не увидела.

Девушка почувствовала растерянность. Людей стало значительно меньше, так как многие из них, в особенности родители с маленькими детьми, не заходили так далеко, а оставались под деревьями на травянистом отлогом берегу у реки, где два потока разделялись.

Элис заторопилась вперед, решив, что мистер Тидсон ускорил шаг, пока она замешкалась, и дошел уже до дороги. Через реку дорога шла на новый мост. Один ее конец соединялся с объездной трассой вокруг Уинчестера, а другой – с Сент-Кроссом и Саутгемптонской дорогой.

По другую сторону моста тропа вдоль воды сильно сузилась, и на пути до пруда, в котором плескались дети, Элис встретила всего двух человек. Ей пришлось в голову, что мистер Тидсон спрятался где-то, и она, видимо, прошла мимо него, сама того не зная. Возможно, даже сейчас он сидел в укрытии, готовясь к рыбалке. Высокие камыши, которые в изобилии росли вдоль берега, могли скрывать мистера Тидсона и от нее, и от рыбы, которая водилась в Итчен.

Элис пошла назад, осматривая речные берега, но нигде не заметила ни мистера Тидсона, ни его удочки. Она терпеливо перешла в обратном направлении мост, пересекла дорогу и, перейдя на легкий бег, быстро преодолела дистанцию между мостом и больницей Сент-Кросс.

Здесь ей неожиданно улыбнулась удача, так ей показалось в тот момент. У единственной скамейки была закреплена удочка. Двое уличных мальчишек, не трогая, рассматривали ее. Элис подошла к ним.

– Это ваша?

– Нет, миссис. Ее оставил здесь старик и дал нам четыре пенса, чтобы мы за ней следили, – ответил один из мальчишек.

– Куда он ушел?

– Вон туда. Большинство идут через калитку, а затем проходят в арку.

Они услужливо указали на калитку в невысокой ограде. Элис прошла через нее, увидела домик привратника Сент-Кросса, свернула под арку, заплатила шесть пенсов, получила билет и, следуя указаниям смотрителя, пересекла большой двор, направляясь к великолепной норманнской церкви двенадцатого века. Это сооружение, выстроенное в стиле, переходном от романского к готическому, было главной гордостью городской больницы.

Элис вошла в церковь, повязав голову шелковым шарфом на манер польской крестьянки, чем заслужила улыбку уборщицы, которая кивнула на восток и сказала:

– Он там. Вы, скорее всего, догоните его до того, как он начнет свой рассказ, мисс. Он только-только начал. Про изразцы рассказал, и про окружность и высоту этих вот столбов, но и все. Вы не много пропустили.

Элис поблагодарила ее. Она слышала голос экскурсовода и нашла его с группой посетителей, покорно стоящих перед триптихом в одной из внутренних часовен. Она торопливо окинула взглядом группу – гид, приятный, почтенного вида старик в черной рясе и с серебряным крестом братства, дама с двумя детьми, морской офицер и его жена и две пожилые женщины. Ни следа мистера Тидсона. Дойдя до главного алтаря, Элис преклонила колени, а затем направилась к двери, через которую вошла. Экскурсовод повысил голос ей вслед:

– Вы не сможете войти в трапезную без меня, слышите, мисс, поэтому нет смысла проявлять такое нетерпение. Возвращайтесь-ка и дослушайте меня здесь.

Из этого Элис сделала вывод, что мистер Тидсон не мог находиться в трапезной, если только там не было другого гида. Не обращая внимания на слова пенсионера в черном облачении, она вернулась к уборщице.

– Я потеряла своего дядю. Здесь не ходит другая экскурсия? Я сказала ему, что обязательно найду его в церкви.

– Нет, сегодня днем здесь только одна группа, – ответила женщина.

Элис снова поблагодарила ее, опустила немного денег в ящичек у двери и вышла на улицу. Смотритель весело окликнул ее из сторожки:

– Не хотите, значит, отведать пиши странников, юная леди? Жаль без нее уходить. Это историческая традиция, знаете ли. Приятно будет прийти домой и сказать, что вы ее попробовали. На самом деле мне не следует предлагать, вы сами должны попросить. Но вот, угощайтесь.

Элис поняла, что ей не отвертеться от подарка в виде хлеба, эля и от рассказа о красоте церкви. Она как можно скорее разделалась и с тем и с другим и вернулась к скамейке, где обнаружила мальчиков и удочку на прежних местах.

Элис устроилась на скамейке, чтобы подумать. Затем огляделась. Насчет мистера Тидсона у нее был только один вывод: он, должно быть, понял, что за ним следят, и сознательно ее перехитрил. Она даже поняла, как это он это сделал. Мистер Тидсон, решила она, пошел по дороге, которая вела к мосту, перебежал по нему, подошел к Сент-Кроссу со стороны саутгемптонской дороги, поставил удочку и договорился с мальчишками, а затем спрятался в дверях жилого дома напротив сторожки Сент-Кросса. Оттуда он проследил, как она вошла в церковь, а затем отправился по своим делам, намереваясь позже вернуться за удочкой.

– Миссис, – жалобно проговорил один из мальчиков, – нам кажется, что мы отработали четыре пенса, следя за удочкой, и теперь хотим уйти.

– Бегите, – рассеянно отозвалась Элис.

Она посмотрела на часы. Потеряно так много времени. Каким бы делом ни был занят мистер Тидсон, он получил, случайно или хитростью – Элис склонна была полагать, что благодаря последнему, – более двадцати минут форы. Элис встала и побежала. Бегала она хорошо и скоро была около моста. Она свернула направо, перешла на другой берег и, по-прежнему бегом, направилась к окружной дороге.

Добравшись до моста через железную дорогу, она в нерешительности остановилась, не зная, куда свернуть. На выбор было пять или шесть маршрутов. Какие-то дети возились в грязи, а один или двое плескались и плавали в широкой, мелкой заводи на изгибе реки перед следующим мостом. Надеясь, что кто-то из детей заметил мистера Тидсона, она заговорила о нем с двумя девочками, которые стерегли на берегу одежду малышей.

– Вы не видели, не проходил ли здесь низенький господин в сером твидовом костюме и без шляпы?

– Здесь много людей проходит, – ответила одна из девочек.

– Я видела мужчину в широких таких бриджах, – сказала другая.

Элис должна была решить, в какую сторону идти, и тут ее осенило. Она прошла под аркой железнодорожного моста, пересекла объездную дорогу и стала подниматься на холм Сент-Кэтрин. Она взбиралась по самому короткому пути, невзирая на крутизну склона. Удивительно быстро она добралась до земляных укреплений, где не так давно стояли рядом мистер Тидсон и миссис Брэдли. Перед Элис открылся отличный обзор местности, и она высматривала маленькую, толстую, торопящуюся фигурку своей добычи.

Зрение у девушки было отменное, но никого хотя бы отдаленно похожего на мистера Тидсона она не увидела. Элис вообще сомневалась, что сумеет его узнать с такой высоты и без малейшего представления направления, в котором он двигался. Однако ее заинтересовало кое-что еще.

Пока она осматривала местность вокруг и внизу, какой-то мужчина взобрался на маленькую квадратную платформу железнодорожного сигнала, расположенного примерно в ста ярдах⁴² от холма. Элис видела его жестикулировавшую фигуру. Что-то привлекло его внима-

⁴² 100 ярдов – ок. 91,5 м.

ние, потому что, показав вниз, в сторону дальнего конца пути, он, оскальзываясь, спустился с платформы, и Элис моментально потеряла его из виду.

Она побежала по дорожке, вытоптанной в траве вдоль земляных укреплений, а оказавшись напротив платформы максимально близко, по ее расчетам, спустилась по крутому склону, пробежала под железнодорожной аркой и вскоре снова оказалась у воды.

Этот ручей отличался от той чистой и красивой реки, которая протекала среди цветущих лугов – он был мелкий, запущенный и неприятный на вид.

Немного ниже по течению была выстроена грубая плотина. Деревянные затворы шлюза регулировали поток воды, и за ними река падала на шесть футов⁴³ на бетонную платформу, и с нее снова вниз примерно на три фута⁴⁴. Это было то самое место, мимо которого пробежала Конни Кармоди в день, когда гуляла с миссис Брэдли.

На стороне тропинки и линии железной дороги виднелся сложенный из кирпича выступ. Высота обрыва от его края до воды составляла почти десять футов⁴⁵ и около шести или семи до бетонной платформы – там глубина воды составляла всего несколько дюймов⁴⁶, – с которой низвергался водопад. Деревянные перила были сооружены, вероятно, ради безопасности тех, кто шел по берегу.

Элис взобралась на ограду, и в следующий момент ее накрыло страшное предчувствие, не дававшее ей покоя с тех пор, как она потеряла из виду мистера Тидсона, и постепенно усиливавшееся, когда ей не удалось догнать или найти его.

На бетонной плите лежал человек. Интуиция подсказала Элис, что он мертв, и ужасно неестественная поза, похоже, подтверждала эту жуткую догадку. Однако привычка пересилила все. Элис скинула туфли, сняла носки и блейзер и спустилась вниз по кирпичной кладке, чтобы посмотреть, нельзя ли оказать первую помощь или сделать искусственное дыхание.

Она наклонилась над телом – это оказался босоногий паренек лет пятнадцати. Та же самая сила за пределами разума, которая сразу позволила ей понять, что мальчик мертв, теперь запрещала Элис дотронуться до него. Он лежал лицом вниз, левая нога была так странно изогнута, что сразу становилось ясно – она сломана, руки раскинуты: одна в сторону, а другая – рядом с головой, словно, упав, он больше не шевельнулся.

Когда Элис выпрямилась – с некоторым трудом, потому что камень был мокрым и скользким, и сорваться с обрыва было чрезвычайно просто, – она увидела двух мужчин в форме железнодорожников, которые стояли на кирпичном выступе и смотрели вниз. С ними был молодой полицейский.

– Что там внизу? – спросил он.

– Дайте мне руку, пожалуйста, – попросила Элис.

Они вытащили ее на кирпичный выступ. Полицейский достал блокнот и облизнул кончик карандаша.

– Сначала спуститесь туда и посмотрите, действительно ли он мертв, – настояла Элис. – Я не убегу. Потом вы зададите мне все вопросы.

Полицейский кивнул, спустился, шаркая форменными ботинками по кирпичной кладке, и, не обращая внимания на воду, опустился на одно колено рядом с телом.

– Для него ничего нельзя сделать, – сразу же объявил он. – Я послал за врачом. Он будет здесь через минуту. Вытащите меня. – Железнодорожники втянули его наверх. – А теперь, мисс, займемся вами. Сначала, пожалуйста, имя и адрес. А затем вы можете рассказать, как получилось, что вы нашли этот труп.

---

⁴³ 6 футов – ок. 1,8 м.

⁴⁴ 3 фута – ок. 0,9 м.

⁴⁵ 10 футов – ок. 3 м.

⁴⁶ 1 дюйм – ок. 2,5 см.

– Разумеется, я сообщу свое имя и адрес, но, знаете, я не первая, кто обнаружил тело. Это сделал один из этих джентльменов. Он увидел его с той маленькой платформы.

– Совершенно верно, – согласился констебль. – Я записал его показания, а именно, что тело соскользнуло вниз с берега. У бедного ребенка, наверное, случился сердечный приступ. А теперь, мисс, займемся все же вами.

Элис сообщила свое имя и название отеля и рассказала, как увидела размахивавшего руками стрелочника.

– Но не знаю, правы ли вы насчет сердечного приступа, – добавила она. – Этот мальчик мертв уже некоторое время, и мне показалось, что на голове у него шишка. И где его обувь?

– Да, я заметил, что он босой, – ответил полисмен, – потому-то и сказал про сердце. Гулял по реке, и холодная вода его доконала. Она же ледяная. Что ж, спасибо, мисс. Возможно, хорошо бы мне узнать и ваш домашний адрес на всякий случай.

Его тон стал менее официальным и гораздо более дружелюбным. Элис сообщила свой домашний адрес. Ей не терпелось уйти. Она чувствовала, что надо, не теряя времени, ознакомиться миссис Брэдли с результатами дневной охоты.

В «Домусе» еще подавали чай, когда девушка туда добралась. Она направилась напрямиком на застекленную террасу и, благодаря огромной удаче, застала миссис Брэдли в одиночестве. Элис уселась за отдельный столик, заказала чай, нацарапала записку, небрежно прошла к двойным дверям, которые вели в сад, уронила на ходу записку на колени миссис Брэдли и открыла двери.

Это было проделано аккуратно, ловко и ненавязчиво, но Элис и была аккуратной, ловкой и ненавязчивой молодой женщиной. Миссис Брэдли обратила на записку не больше внимания, чем на принесенный ветром лепесток цветка, как сказал бы Тагор, и Элис, удовлетворенная тем, что ее маневр не видел никто из остальных гостей, вышла в сад. Там она увидела Томаса, выходявшего через застекленную дверь столовой. Девушка улыбнулась ему и вернулась на террасу за свой столик.

Миссис Брэдли прочла записку. Она состроила Элис гримаску, а потом громко пригласила ее присоединиться к ней и высказать свое мнение о кроссворде, который миссис Брэдли разгадала почти полностью.

Элис пересела, и миссис Брэдли показала ей газету. Они обсуждали кроссворд, пока не принесли заказанный чай. Терраса опустела. Официант исчез.

– Рассказывай, – попросила миссис Брэдли.

Элис представила краткий, точный и ясный отчет о преследовании мистера Тидсона.

– Он вернулся в четыре, – сказала миссис Брэдли. – Я видела, как он вошел в отель.

– Но это значит, что он оставил свою удочку у Сент-Кросса и сразу вернулся сюда!

– Похоже на то.

– Тогда он не может иметь никакого отношения к происшедшему на плотине, – с большим облегчением проговорила Элис.

– А почему он должен иметь к этому какое-то отношение? Тебе же не сказали, как долго пролежало там тело, а смерть в любом случае, скорее всего, результат несчастного случая. Ты даже пока не знаешь, кто этот мальчик. Какого он возраста на вид?

– Не знаю. Лет шестнадцати, может, даже меньше. Скорее всего, не больше пятнадцати. И у него сломана нога.

– Как он был одет?

– На нем были фланелевые брюки, рубашка и твидовый пиджак. Босой. Он не мог пролежать там дольше нескольких минут. Тогда кто-нибудь увидел бы его до того, как его заметил стрелочник. Он сказал, что паренек соскользнул с берега, но я не понимаю, как он мог это сделать. Он не... он не просто умер. Его ударили по голове. Это точно.

– Но зачем стрелочнику придумывать историю о соскользнувшем с берега теле? Я должна взглянуть на это место. Его слова вполне могут быть правдой.

– Не понимаю, как труп мог внезапно сползти вниз с берега. Точно не в том месте. Когда вы его увидите, то поймете, о чем я.

– Я прекрасно понимаю, о чем ты. Но я верю и стрелочнику. Если труп не соскользнул, значит, его толкнули вниз, а это может привести нас к мистеру Тидсону, тебе не кажется? У него было время, чтобы толкнуть тело, а потом прийти сюда.

– Не знаю, что и думать. А где Китти?

– Не знаю. В отеле ее нет.

– Я думала, она стережет миссис Тидсон.

– Да, но мисс Кармоди изменила эти планы, пригласив Китти съездить с ней в Андовер на автобусе.

– В Андовер? Почему в Андовер?

– По словам мисс, по ходу этого автобусного маршрута очаровательные виды, что, кстати, правда. Андовер – типичный сельский городок Гемпшира, и его стоит посетить, – без всякого выражения объяснила миссис Брэдли.

– Ясно. – Элис отметила про себя, что миссис Брэдли считает мисс Кармоди не меньшей злодейкой, чем Тидсонов.

– В самом деле?

Миссис Брэдли, развеселившись, глянула на девушку, все мысли Элис были написаны у нее на лице.

– Я имею в виду, – с обычной своей серьезностью ответила Элис, – что мне ясно – по крайней мере, мне кажется, что ясно, – почему Китти пришлось с ней поехать. Но она тоже не могла иметь к этому никакого отношения – в смысле, мисс Кармоди. К телу на плотине.

– А с чего ей иметь к этому какое-то отношение? Я повторюсь, что мы не знаем, кто этот мальчик и как он встретил свою смерть. Он мог споткнуться на кирпичной кладке, которую ты описала, и удариться головой при падении, а его товарищи могли спрятать тело, боясь, что их обвинят в его смерти. Подобные случаи хотя и редки, но известны. Ты можешь спросить, обычное ли дело, чтобы мальчики этого возраста падали с высоты шести футов и ударялись головой, – и я не найду, что ответить. Даже если его толкнули...

– Да. Это трудно. Знаете, у него нога сломана, как я уже сказала.

– Точно. Ладно, не сомневаюсь, что расследование позволит нам узнать об этом больше, а возможно, и о том, был ли стрелочник первым, кто увидел тело. На мистере Тидсоне была шляпа?

– Нет, не было. Значит, обычно он шляпу носит?

– Ну обычно носил, но это, кажется, уже отдельная история. Если увидишь его в шляпе, можешь мне сообщить. Наша следующая задача – выяснить, куда он ходил и что делал. Его поведение может быть подозрительным, а может и не быть. На данном этапе сбора сведений мы сказать не можем.

– Не можем, – согласилась Элис, которая думала, хотя и ошибочно, что ее в чем-то винят. – Я ужасно сожалею, что упустила его, но я совсем потеряла его след, и, по-моему, он с самого начала заметил слежку и, думаю, обхитрил меня намеренно, а это уже не слишком хорошо выглядит.

– Преследование возмущает большинство людей, дитя, и большинство нервничает из-за этого. Вот что я тебе скажу. Мы с тобой должны предпринять прогулку рано утром и посмотреть, не удастся ли нам узнать, куда он ходил. Ты не против пройтись со мной? И когда?

– Завтра первым делом, – решила Элис, вновь обретая веру в их предприятие.

– Завтра? Хорошо. Интересно, когда вернется Лора и с какими новостями, – проговорила миссис Брэдли. – Что-то очень необычное должно было случиться, чтобы Конни вот так

сбежала. Думаю, я догадываюсь, что это было, но время покажет. А теперь этот мальчик...
Интересно, как давно он мертв?

Глава 11

*Честное слово, хозяин, это галантная форель, что нам с ней
делать?*

Сэр Исаак Ултон. «Искусный рыболов»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.